ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

2=
-ИЗЕ

Н. Евреинов

„САМОЕ ГЛАВНОЕ“

Для кого комедия, а для кого и драма, в 4 действиях

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Reprint by
ARDIS PUBLISHERS
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan
48104 USA

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ПЬЕСЫ

„САМОЕ ГЛАВНОЕ“

СОСТОЯЛОСЬ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

„ВОЛЬНОЙ КОМЕДИИ“

20-го Февраля 1921 года.

РЕЖИССУРА
Н. В. ПЕТРОВА.

ДЕКОРАЦИИ И КОСТЮМЫ
Ю. П. АННЕНКОВА.

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/mostimportant0000nevr

Посвящаю эту пьесу светлой памяти Юлии Ивановны Давыдовой (р. Гравель), научившей меня Добру.

Н. Евреинов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

ПАРАКЛЕТ — что значит советник, помощник, утешитель.

ГАДАЛКА.
Д-р ФРЕГОЛИ.
ШМИТ.
МОНАХ.
АРЛЕКИН.
} Личины Параклета.

ДИРЕКТОР ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА.
РЕЖИССЕР.
СУФЛЕР.
ЭЛЕКТРОТЕХНИК.
АКТЕР НА РОЛИ «ЛЮБОВНИКОВ».
ТАНЦОВЩИЦА-БОСОНОЖКА, его жена.
КОМИК.
Исполнитель роли НЕРОНА.
Исполнитель роли ПЕТРОНИЯ.
Исполнитель роли ТИГЕЛИНА.
Исполнитель роли ЛУКАНА.
Исполнительница роли ПОППЕИ-САБИНЫ.
Исполнительница роли ЛИГИИ.
Исполнительница роли КАЛЬВИИ-КРИСПИНИЛЛЫ.
Исполнительница роли НИГИДИИ.
} Артисты провинциального театра.

ХОЗЯЙКА МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТ.
РЕМИНГТОНИСТКА, ее дочь.
ЧИНОВНИК в отставке.
СТУДЕНТ, его сын.
КЛАССНАЯ ДАМА.
} Жильцы меблированных комнат.

ДАМА С СОБАЧКОЙ.
ГЛУХОНЕМАЯ.
ПАДШАЯ.
} Супруги троеженца.

Действие происходит в большом провинциальном городе средней полосы России в самом начале двадцатого века.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

У гадалки. Небольшая комнатка с бедным убранством, среди которого сразу же обращают на себя внимание три чучела: — совы со светящимися глазами, водруженной на кронштейн, большой летучей мыши, свешивающейся с потолка, и тощего черного кота, сомнительно украшающего стол гадалки, стоящий налево, у единственного окна, завешенного выцветшей восточной шалью. Две двери: направо, ведущая в приемную, и посредине, ведущая в спальню, где видное место занимает женский, с кисейным балдахином, туалетный стол. Налево от средней двери — большой платяной шкаф: направо от нее невысокие ширмочки. По стенам развешаны старинные карты звездного неба, «оракула» со знаками зодиака, гороскопы, фотографии медиумических эманаций, явлений, «духов» и т. п. На столе, кроме кота, банка с кофейной гущей, зеркальце, шар для опытов кристалломантии, три желтых маленьких восковых свечки и одна большая свеча, — все четыре в старинных подсвечниках, — старинные книги с металлическими застежками, засаленные игральные карты, пачка газет и журналов, кружка — копилка, несколько стклянночек с зеленой и фиолетовой жидкостью, ветка омелы в пузатой бутылке и череп. В общем декорация может произвести желательное для гадалки впечатление на суеверного посетителя. Освещение дневное, не слишком тусклое, но и отнюдь не яркое. Гадалка сидит за столом, спиною к окну в черном кожаном кресле, таком же старом, как и она. Посетители принуждены занимать

место напротив нее за столом, хорошо сравнительно освещаемые светом, льющимся из окна. С поднятием занавеса, мы переносимся в жилище гадалки как раз во время ее утреннего «приема». Она сидит за картами, которые ее дрожащие немного руки раскладывают в узорчатом порядке. Она одета в старый, серый, сплошь усеянный кофейными пятнами капот, плохо прилегающий к ее горбатой фигуре. Ее горбатый нос вооружен большими черепаховыми очками, над которыми, как маска глаз, бровей и лба, держится еще вдобавок, на резинке, выцветший зеленый козырек, образец тех, какие предписывают окулисты в консервативных целях. Седые, косматые волосы старухи прикрыты черным кружевным чепцом. Верхняя губа, плохо скрывающая гнилые зубы, словно запачканная нюхательным табаком. Две больших волосатых бородавки, на подбородке и правой скуле, еще больше обезображивают предсказательницу судеб человеческих. На шее ее ожерелье из диковинных талисманов; руки украшены бренчащими серебряными браслетами с джеттатурами, защитными «руками фатьмы», и т. п.; пальцы в перстнях, на которых мелькают бирюза и лунные камни. У нее хриплый голос и слегка гортанный, твердый выговор, который встречается среди народов Кавказа. Перед нею сидит полная дама, о богатстве наряда которой можно сказать гораздо больше положительного, чем о ее красоте. Она внемлет, моргая глазами, предсказаниям старухи и в то же время не забывает следить за собачкой, которую она привела с собою на элегантном шнурочке в изящной попонке и блестящем красивом ошейнике.

Гадалка ...денежный интерес... ба-а-льшой денежный интерес...пакет-письмо...успех в предприятии... денежные хлопоты... Простите, мадам, вы наверное на бирже играете?..

Дама с собачкой (мнется). Немного, а что?. (причмокивает собачке и гладит ее).

Гадалка. Я так и думала, — уж очень много о денежных делах ваши карты толкуют...А счастье не особенное...

Дама с собачкой. Вот именно. С тех пор, как он меня покинул...

Гадалка. Кто?

Дама с собачкой (полуоскорбленным тоном). Мой муж... Разве б я стала так путаться!.. С тех пор я вижу счастье лишь во сне...

Гадалка. Хороший человек был?

Дама с собачкой. Я бы не полюбила плохого...

Гадалка. Ну еще бы. Почему же он вас покинул?

Дама с собачкой. А вот подите ж. (Вынимает золотой портсигар и закуривает папироску). Женился, когда я была бедной сиротой, ютившейся у строгой, скупой тетки, от которой просто житья не было... Дал счастье любви мне, свободу моим диким фантазиям... А когда тетка умерла и я осталась единственной наследницей..он...бросил меня со всем моим богатством.... (прижимает кружевной платок к глазам).

Гадалка. Ба-альшой оригинал.

Дама с собачкой. Ну можно ль после этого сказать, что сердце женщины загадка? Что ж тогда вы скажете о сердце мужчины?..

Гадалка. Что я скажу, это не важно. А вот, что карты говорят, дело другое.

Дама с собачкой. Видеть, как интересный мужчина проезжает на извозчике, знать, что уже десять лет, как он по паспорту значится моим супругом, и...и... хоть бы поклонился.

Гадалка. А вы уверены, что это был он?

Дама с собачкой. Ну еще бы... сбрить себе бороду еще не значит стать неузнаваемым, особенно в глазах жены. Я уж говорила с адвокатом — это уголовщина чистейшей пробы, и в Англии еще недавно за это полагалась смертная казнь...

Гадалка. За что?..

Дама с собачкой. За троеженство. Был такой случай лет семьдесят тому назад. В Англии на этот счет строго.

Гадалка. Но позвольте, во-первых, мы в России, а во-вторых, разве ваш муж троеженец?

Дама с собачкой. И еще какой!.. Из-за чего ж я так волнуюсь! Приезжаю прошлый год в Вильдунген; у меня, знаете ли, почки немного пошаливают... что делать,—люблю хороший коньяк, в жизни так мало радостей... И что же, знакомлюсь с одной глухонемой, у которой в альбоме красуется фотография моего мужа. Подружилась с нею... не люблю я, знаете, этих курортных трещеток, то ли дело глухонемая — черкнешь ей что-нибудь в блокноте, она тебе ответит, тихо, спокойно, и уши не болят, и от своих слов такая уж не отречется. «Это мой муж» — пишу я ей и дважды подчеркиваю. «Нет мой», отвечает она и трижды подчеркивает. «Как так?».. Каким образом... «Двоеженец», пишу ей. «мы обмануты». «А це троеженец ли», отвечает она и тут же описывает, как поймала его однажды с уличной девченкой, с которой он и скрылся вскоре, Бог знает куда. Но та была не дура и надо думать, как и мы, грешные, для доказательства любви, привела раба Божьего в церковь.

Гадалка. Интересная история.

Дама с собачкой. Ну еще бы, вся сыскная полиция заинтересовалась этим делом. Кстати — между нами будь сказано — мне отрядили такого сыщика, что... (Целует концы пальцев) прелесть, душка... даже в театре служит нарочно, чтобы лучше изучить гримировку, мимику и тому подобное... Светозаров... Слыхали о таком jeune premier? Обольстительный... манеры... выраженье глаз... Я обещала его озолотить, если он поймает моего Дон-Жуана... О... не думайте, чтоб я затеяла процесс о троеженстве... к чему?.. себе дороже... Нет, я просто велю его привести к себе с жандармами, потребую развода и с глаз моих долой... И в самом деле, что это такое, — я еще молода, могу выйти замуж, а тут без развода, не угодно ли, «так» путаться... Благодарю покорно... я прежде всего формалистка...

Гадалка. Ах, так вы не одиноки! ну хоть это утешительно.

Дама с собачкой (смеется и берет собачку на колени). У меня два дружка: вот этот — его зовут Мими и другой, которого зовут... впрочем все равно как его зовут. Правда, Мими?.. (Целует собачку). Где это ты так перепачкался? (Стряхивает пыль с попонки). (Гадалке). Скажите пожалуйста, а вы не могли бы погадать для моего Мими?

Гадалка. Для вашей собачки?

Дама с собачкой. Да; он что-то грустит последнее время, сидит часами на подоконнике и так грустно, грустно смотрит на улицу...

Гадалка. Да, но, мадам! у меня нет собачьих карт. Как же я ему погадаю?

Дама с собачкой. Зачем собачьи карты, он ведь все понимает, совсем как человек. Ей-Богу. Вы посмотрите только, какая у него мордашка. Я никогда не расстаюсь с Мими и даже в церковь не хожу из-за него. И почему их не пускают туда, когда в писании сказано «всякая тварь да хвалит Господа» и что «блажен иже и скоты милует».

Гадалка (немного раздраженно). Да, но в писании ничего не сказано, чтобы собакам гадать в то время, как в приемной (показывает на правую дверь) люди ждут не дождутся, чтоб судьбу узнать.

Дама с собачкой (вынимает деньги и бросает на стол). Ну я вас прошу. Я заплачу вдвойне, это мой каприз.

Гадалка (качая сокрушенно головой, тасует карты). Ну и характер у вас... Так и быть, чтоб не задерживать... А кто же колоду снимет?

Дама с собачкой. Можно мне за него, а он лапкой дотронется... так сказать в подкрепление... (снимает колоду и тычет по ней лапкой собачки).

Гадалка (вздыхает). Охо-хо... в первый раз собаке гадаю... (раскладывает карты).

Чиновник в отставке (старый, с большой седой бородой на трясущейся челюсти, в потасканном форменном пальто, с фуражкой, украшенной кокардой, в одной руке, и с палкой, снабженной резиновым наконечником, в другой, жалкий, со слезящимися глазами и красноватым носом, входит прихрамывая из правой

двери и говорит чуть-чуть шамкая). Простите, благодетельница... мне по экстренному делу... стар я ждать... и так уж еле доплелся... сделайте одолжение...

Гадалка. Сейчас мы кончим... подождите немного. Минуточка и я к вашим услугам...

Чиновник. Слушаю-с... спасибо... простите великодушно (уходит).

Дама с собачкой (ему в след). Невежа... так и лезет не спросясь, да еще в самый роковой момент. Правда, Мими? (Целует собачку). Смотрите, как он испугался... Ну-с что вы нам скажете хорошего?

Гадалка (смотря на карты). Хорошего мало... Во-первых, болезнь...

Дама с собачкой. Мой Мими захворает?..

Гадалка. Обязательно... во-первых, от обжорства, а во-вторых, от сидячей жизни.

Дама с собачкой. Как? Неужели даже это можно по картам узнать? Ну, а потом что?

Гадалка. Трефовая дама... большая любовь... тоска по трефовой даме...

Дама с собачкой. Знаю, это черная Жучка, что напротив живет... Ай, ай, ай, Мими, я этого не ожидала...

Гадалка. И еще червонная дама... тоже... ба-альшая симпатия...

Дама с собачкой. Негодный Мими! Отвечай сейчас же, кто это червонная дама, я в первый раз о ней слышу, ну, отвечай...

Гадалка (почесывая за ухом). Может быть, мадам, вы с ним об этом лучше дома поговорите, а то если

мои клиенты будут ждать, пока собака ответит, так у них терпение может лопнуть, как вы думаете?

Дама с собачкой (обиженно). Господи, я еще столько вещей хотела вас спросить. Но раз вы так торопите... (встает и спускает собачку на пол). Я кажется расплатилась? (показывает на брошенные ею на стол деньги).

Гадалка. Благодарствуйте. Вот только сюда еще забыли пожертвовать (подставляет копилку). На бедных.

Дама с собачкой (вынимает деньги и опускает монету в копилку). Господи, от этих бедных просто проходу нет... На каждом шагу или нищий или благотворительная кружка... Правда, Мими? Ведь эти нищие несносны... Ах как он на них лает, вы бы послушали. Но все равно — вот это от меня, а это от Мими. Не разоримся. До-свидания (уходит. Гадалка прячет деньги в стол и собирает карты).

Чиновник в отставке (входя). Можно?

Гадалка. Прошу.

Чиновник. Вот что, благодетельница... на одну минуточку... не задержу, верьте совести... Я от Марии Яковлевны, нашей хозяйки... хозяйки меблированных комнат, где мы с сынишкой квартируем.

Гадалка. Садитесь пожалуйста (он садится против нее). Мария Яковлевна хотела сегодня заглянуть ко мне...

Чиновник. Вот, вот! я как раз насчет этого С дочкой она придет к вам сегодня... Но это уж ее дело... а я насчет сынишки своего... Феди, студента... Уговорила его Мария Яковлевна проводить их сюда... Он на ваше гаданье, не прогневайтесь, родная, смотрит как

на суеверие... да и я, грешным делом, не того... т.-е. не так, чтоб очень уж верил... Но слыхал я от Марии Яковлевны, что вы добрейшей души человек и советами во скорбях ближних своих не оставляете... А скорбь у нас большая. Помилуйте, молодой человек, можно сказать, в цвете лет и вдруг... руки на себя накладывает, жизнь опостылела...

Гадалка. Но... слава Богу, кажется обошлось благополучно. Мария Яковлевна говорила, что...

Чиновник. Мария Яковлевна его и спасла... Я был у всенощной тогда... Правда, крюк не выдержал, так сказать «рука Всевышнего», но уж веревочка то врезалась в шейку, врезалась, проклятая... Да-с... Спасли мальчонка, а только кто его знает, что у него в мыслях для дальнейшего... Так вот я и пришел, благодетельница, так сказать, загодя забежал... Не слушает он меня, старика, авось вас послушает,—говорят, вы и по части гипнотизма тоже чудеса делаете,—внушите ему—безумцу этакому, чтобы хоть меня, старика, пожалел... За что наказание такое! Уж и так-то жизнь не сладка... вышел в отставку по несправедливости... пенсия крохотная... болезни одолевают... Казалось бы, от сыновей ждать поддержки, а тут не угодно ли: один сын, Володя, во флот поступил, в дальнем плавании обретается, а другой, не угодно ли, этакий позор на мою седую голову... (Слезливо сморкается и вытирает глаза).

Гадалка. Рада помочь вам, не знаю только, как... ведь это не так просто, надо в душу человека влезть, а не всякий позволит...

Чиновник. Образ мыслей в нем переменить, родная... Слово ему такое скажите, чтоб его перевернуло, бессердечного... Уж вы сумеете... не мне вас учить... Вот... (сует ей деньги дрожащими руками) не обессудьте, благодетельница...

Гадалка (отстраняя деньги). Не надо, не надо!.. Я вперед не беру...

Чиновник (встает и пятится к дверям). Нет уж не обессудьте, благодетельница... Помогите только пожалуйста... Заставьте за вас Богу молиться... Прощенья просим... не смею дольше задерживать...

Гадалка. Да не надо мне ваших денег. Возьмите...

Чиновник (у дверей). Не мои они, а ваши-с, ваши-с... не обидьте старика... сделайте одолжение (кланяется). Честь имею кланяться. (Гадалка качает головой и кладет деньги в кружку «для бедных»).

Танцовщица-босоножка (входит, скромно одетая, под густой вуалью). Здравствуйте (жмет приветливо руку старухи). Пришла пораньше, а то в двенадцать у нас репетиция в театре, боюсь опоздать...

Гадалка. Садитесь. Вы получили мое письмо?..

Танцовщица-босоножка (садится и поднимает вуаль, которая скрывала красивое и одухотворенное личико). Не знаю, как и благодарить вас... Вы так любезны... У меня ведь ни отца, ни матери, с кем бы посоветоваться... А ваше отношение ко мне за все время нашего знакомства...

Гадалка (перебивая). Ну ладно. Бросьте сантименты. Могу вам сообщить новость: была у вас в театре...

Танцовщица-босоножка (пораженная). Вы? В нашем театре? Не может быть. Ну что ж, конечно, в ужасе от этого «балагана»? Господи, когда подумаешь, что я стремилась туда, словно в храм, видя в искусстве своем подвиг преображения, а очутилась в каком-то вертепе, даже жутко становится...

Гадалка. Видела игру вашего мужа...

Танцовщица-босоножка. Светозарова?..

Гадалка. Хороший актер, только плохо гримируется...

Танцовщица-босоножка. Уж я ему сколько раз говорила,—вечно одно и то же лицо разочарованного Пьеро.

Гадалка. Ведь я нарочно по вашему делу сходила взглянуть на голубчика.

Танцовщица-босоножка. Да что вы!

Гадалка. Уж очень трудную задачу вы мне задали. Ну как в самом деле, не видя человека, не слыша даже его голоса, решить, грозит ли его любовь охлаждением или...

Танцовщица-босоножка. Ну и что ж вы теперь скажете?..

Гадалка. Вы его слишком любите, но... не давайте ему в этом уверенности.

Танцовщица-босоножка. Т.-е. как, я вас не понимаю.

Гадалка. Заставьте его ревновать...

Танцовщица-босоножка. Да, но он так мало обращает на меня внимания за последнее время.

Гадалка. Это ничего не значит, — запаситесь лишь терпением и расчетом инженера, чтоб построить мост

ревности, и по этому мосту ваш муж вернется к вам на всех парах сердечного локомотива (слышен отрывистый двойной звонок).

Танцовщица-босоножка (вздрогнув). Господи, вот странно...

Гадалка. Что странно?

Танцовщица-босоножка. Звонок... Так звонит мой муж обыкновенно. Ну я пойду (прощается с гадалкой). До-свидания...

Гадалка. Будьте счастливы.

Танцовщица-босоножка (улыбаясь благодарственно). Постараюсь... Да, позвольте, чуть было не забыла. Вы предсказываете в своем письме какое-то событие у нас в театре... будто сегодня нас ждет там какой-то сюрприз...

Гадалка. Во всяком случае интересное предложение, от которого не стоит отказываться.

Танцовщица-босоножка. Кто получит, я, муж или вся труппа?

Гадалка. Я гадала только на вас...

Танцовщица-босоножка. Ах да... Спасибо... (Звонок). Ну, однако, бегу. Не буду задерживать других, пытающих судьбу свою. До свидания. (Уходит. Пауза.)

Гадалка (нетерпеливо приподымается, собираясь подойти к двери). Ну что же... кто там следующий?.. Входите...

Актер на роли любовников (с небольшой бородой и в дымчатом пенсне, входит с газетой в руках). Здравствуйте. Это... это вы (читает объявление в газете) «Восточная гадалка, хиромантка, физиономистка, лечит

тайные недуги, определяет характер по почерку и дает советы по сердечным делам?»

Гадалка (севшая на свое место при его появлении). К вашим услугам.

Актер на роли любовников. Вот я пришел попросить вас погадать...

Гадалка. Погадать?.. А я думала побриться...

Актер на роли любовников. Т.-е. как, я вас не понимаю.

Гадалка. О чем гадать? Садитесь.

Актер на роли любовников (присаживаясь). Об одной пропаже.

Гадалка. Иголки?

Актер на роли любовников. Нет, покрупнее.

Гадалка. У вас пропало?

Актер на роли любовников. Все равно у кого.

Гадалка. А вы — это вы?

Актер на роли любовников. Т.-е. как?

Гадалка (привстает и наклоняется к нему через стол). Эта борода ваша борода (быстрым движением срывает с него привязную бороду с усами).

Актер на роли любовников (пораженный). Виноват... послушайте, однако...

Гадалка. Гадалка все видит... насквозь видит каждого человека... еще лучше видит, чем вы без очков.

Актер на роли любовников (снимая пенсне и пряча в карман бороду). П ... п.. просто поразительно... Не нахожу слов.

Гадалка. Зачем пришел? Говори на чистоту, от меня не скроешься...

Актер на роли любовников. Дайте притти в себя.

Гадалка. Только поскорее, а то на репетицию в театр опоздаешь.

Актер на роли любовников. Как! вам известно и то, что я актер, вы меня видали на сцене?

Гадалка. Видала, не видала—это мое дело. А какое твое дело, по которому пришел сюда?

Актер на роли любовников, Гм... видите ли...

Гадалка. Все вижу, а потому не ври.

Актер на роли любовников (оправляясь от удивления и даже чуть-чуть иронически). Ну, если вы такая ясновидящая, вам может быт известно, что я проследил господина, который, если не живет у вас, то во всяком случае часто бывает... вот его снимок... (вынимает из кармана фотографическую карточку), здесь он с бородой (смеется смущенно), вроде меня давеча... Но очевидно он обрился... Очень похож во всяком случае на эту карточку.

Гадалка. Ну и что же?

Актер на роли любовников. Его ищут. Он обманул уже трех женщин. Преступный тип. Женится, берет приданое и исчезает.

Гадалка. Нехорошо...

Актер на роли любовников. И вот я хотел бы помочь правосудию...

Гадалка. Сыщик?

Актер на роли любовников (мнется). Гм... служба в театре оплачивается не так уж щедро... Актер на амплуа любовников, как я, всегда обременен расходами

по гардеробу... все эти фраки, галстухи, перчатки, все это требует...

Гадалка (договаривая) издержек и ты стал сыщиком.

Актер на роли любовников. Но разве это так предосудительно! Ведь мы рискуем иногда своей жизнью, ради блага ближнего и... вообще правосудия, справедливости...

Гадалка (раскладывает карты). Так, так (гадает). Ого... тебе везет... узнаешь скоро новость... даже сегодня может-быть... у себя в деле... надо полагать — в театре... Насчет твоей «пропажи», то бишь насчет этого троеженца, что ищешь, ничего не скажу... Молчат карты и не выдают его. Но я буду гадать... каждую неделю. Оставь адрес, — если что увижу, напишу тебе. (Он пишет на визитной карточке свой адрес и передает ей). Скоро переедешь на другую квартиру, — тогда сообщи новый адрес...

Актер на роли любовников. Я... перееду, говорите вы?

Гадалка. Карты говорят (передает фотографический снимок). Вот возьми! (смеется). Ловкое совпадение! Действительно похож... даже очень...

Актер на роли любовников (взволнованно). Похож, говорите вы?

Гадалка. Безусловно... это тоже мой «поклонник» как ты выражаешься. Богатый, это правда, а только не от кражи приданого...

Актер на роли любовников. Вы уверены в этом?

Гадалка. Так же твердо, как в том, что он может и тебе пригодиться...

Актер на роли любовников. Мне?

Гадалка. Ну да, он ведь тоже по театральной части, не то антрепренер, не то что-то вроде этого.

Актер на роли любовников. Господи, а я-то дурак собрался его арестовать.

Гадалка. Хороший водевиль получился бы.

Актер на роли любовников. Чорт возьми, бывают же такие совпадения (прячет портрет). А скажите пожалуйста, не могли бы вы по картам узнать, где живет теперь третья жена моего Дон-Жуана.

Гадалка. Того, кого разыскиваешь?

Актер на роли любовников. Да, адрес второй нам уже известен...

Гадалка (ухмыляется). Гм... карты тут не помогут... но у меня есть такой порошок из Индии... Буду принимать перед сном, — может и приснится что.

Актер на роли любовников (вскакивает в восторге, вынимает деньги и сует ей в руку). Я готов вам заплатить 25% с моего гонорара, 30, 40 даже, только отгадайте!.. Ведь это мой первый дебют в роли сыщика... Я так волнуюсь, как никогда на сцене со мной не бывало. Ведь вы, конечно, понимаете, что провалить роль на сцене — от этого никому ни холодно, ни жарко, а здесь... ведь это значит проиграть все дело, расписаться в бессилии правосудия, закона, общества, наконец, среди которого живет безнаказанно страшное подобие «Синей Бороды» (стук в дверь).

Гадалка (кричит). Кто там? (Входит хозяйка меблированных комнат, «ремингтонистка» и студент; первая — добродушная женщина преклонных лет, вторая —

ее дочь — невзрачное на вид создание, симпатичное, но достаточно жалкое в эстетическом отношении, что еще усугубляется повязкой, какую носят обыкновенно при флюсе; третий из посетителей, студент, — обросший редкой клочковатой бородой, лохматый, немножко прыщеватый и в очках, за стеклами которых близоруко жмурятся маленькие, красноватые гляделки.)

Хозяйка меблированных комнат (остановившись со своими спутниками у двери направо). Можно войти?

Гадалка. Можно, можно. Это вы, Марья Яковлевна?

Актер на роли любовников. Ну я пойду... уже время на репетицию. До-свиданья, так я буду надеяться?

Хозяйка меблированных комнат. Я и не одна, а с...

Гадалка (выходя к ней навстречу; актеру)... Ладно, ладно! (Актер уходит.)

Хозяйка меблированных комнат. А я уж думала — вы, заняты, быть может... (рукопожатие).

Гадалка. Что вы, помилуйте, я вас поджидала. Спасибо, что не опоздали, а то сегодня я рано кончаю прием... (отворяет дверь и кричит). Дуня, больше никого не принимай, кроме того господина, о котором я сказала... Слышишь!

Хозяйка меблированных комнат. Простите, я и забыла вам представить: моя дочь... Лидочка...

Гадалка. Очень приятно (рукопожатие с ремингтонисткой).

Хозяйка меблированных комнат. Лучшая ремингтонистка в этом городе... Если вам надобно переписывать что на пишущей машинке, то уж скорей ее никто вас не уважит...

Гадалка (не выпуская руки ремингтонистки из своей). Ай, ай, ай, какая худенькая ручка, чуть было не раздавила (ко всем). Садитесь, пожалуйста.

Хозяйка меблированных комнат. Ничего не ест, кашляет, докторов презирает, как милости прошу мокроту послать на исследование—«не хочу, говорит, к чему», а этак долго ли до греха... Я ведь знаю, что это такое, — у меня муж от чахотки умер.

Гадалка. И зубки болят?

Хозяйка меблированных комнат (усаживается). Флюс... вечно простуживается, не желает беречься, хоть ты тут тресни...

Ремингтонистка. Мама мне сказала, что вы зубы заговаривать умеете. Правда это?

Гадалка. Правда.

Ремингтонистка. Ну вот попробуйте, пожалуйста, мне что-то не верится...

Гадалка. Попробую... И поверится... А молодой человек это... ваш жилец, кажется?.. (берет студента за руку).

Хозяйка меблированных комнат. Да... гм... наш дальний родственник к тому же... Я вам говорила.

Гадалка (ему, не выпуская руки). Погадать пришел?

Студент (говорит чуть-чуть заикаясь). Нет уж увольте... Я взялся лишь проводить их до вашей кунсткамеры... с меня и этого довольно.

Хозяйка меблированных комнат (ему). Федя, ну что вам стоит?

Гадалка (все еще держа его за руку). Подождите, Марья Яковлевна, я и без карт угадаю сейчас, что он думает.

Студент (иронически). Ну что же я думаю?

Гадалка. Думаешь: врешь, старая ведьма,—не отгадать тебе, что я думаю! не на такого напала.

Студент (усмехаясь). Ну, знаете ли, это—не фокус... это всякий отгадал бы.

Гадалка (отпуская его руку). Я фокусами, милый мой, не занимаюсь, но если тебе хочется считать это за фокус — сделай одолжение. Ведь от того, что эту комнату ты назвал кунсткамерой, она еще не стала ею, хотя правда в ней и появляются порой настоящие монстры...

Ремингтонистка. Ага, Федя, попало! не в бровь, а прямо в глаз (хочет рассмеяться, но зубная боль останавливает эту попытку: она прикладывает руку к щеке и болезненно кашляет, освобождаясь от мокроты с помощью платка).

Студент (добродушно-насмешливо). Ну знаете ли, если я и монстр, то во всяком случае не вам об этом говорить при таком флюсе.

Гадалка. Прибавьте: и не при такой красавице, как здешняя хозяйка (хлопает себя по груди и комично раскланивается). Ну идемте, барышня, в ту комнату! Я вам мигом зубки там заговорю. А вы, господа, посидите чуточку, поскучайте, да меня старуху побраните, если чем не угодила (берет за руку ремингтонистку и уводит ее в спальню. Студент прохаживается по комнате, ероша волосы).

Хозяйка меблированных комнат. Хороший вы человек, Федя, а только не впрок вам наука пошла.

Студент. Т.-е. как это не впрок?

Хозяйка меблированных комнат. А так: ум за разум заходит, оттого и жизнь опостылела...

Студент. Марья Яковлевна, я вас очень прошу: не говорите пожалуйста о том, чего вы не понимаете.

Хозяйка меблированных комнат. Да что же тут не понимать, спросите у кого хотите, каждый вам скажет.

Студент. Что скажет?

Хозяйка меблированных комнат. А то, что хоть бы отца пожалели — вы думаете, ему сладко сознавать, что каждую минуту вам опять может притти... фантазия?

Студент. Бросим этот разговор, все равно вам не понять меня; — надо быть психологом.

Хозяйка меблированных комнат. Ну а эта гадалка тоже по вашему ничего не понимает?

Студент. Кто... (Хозяйка меблированных комнат кивает в сторону комнаты, где находится гадалка.) Эта Пифия?

Хозяйка меблированных комнат. Тсс... не бранитесь пожалуйста.

Студент (с усмешкой.) Что же она говорит?

Хозяйка меблированных комнат. Говорит, что только эгоисты на такие вещи способны.

Студент. Эгоисты? Почему?

Хозяйка меблированных комнат. А потому, что кто поборол страх смерти, тому ничто уже не страшно в борьбе за справедливость. И если бы было много таких, то владыки земные поджали бы хвост. А вот знают, что кругом все трусы, ну и измываются безнаказанно, вроде как над вашим батюшкой. За что

в самом деле человека уволили! за то, что против взяток на службе восставал? Так разве это справедливость. И никто не отмстит! даже сын родной, скорей себя убьет, чем обидчика пальцем тронет.

Студент (задумчиво, но все еще с иронией). Забавное воззрение...

Гадалка (появляется в дверях спальни). Молодой человек. не сердись пожалуйста, а только выйди минут на пять за дверь: у нас тут секреты.

Студент. Уйти?.. Извольте. Хотя позвольте уж тогда откланяться: у меня голова разболелась и хочется на свежий воздух.

Хозяйка меблированных комнат. А как же гаданье? Федя, вы же обещались...

Студент. Я обещал только проводить вас. Что до остального, это было бы насилием над моей волей. До-свиданья (уходит).

Хозяйка меблированных комнат. Ну вот видели?.. Что с таким поделаешь?

Гадалка. Ничего... не беспокойтесь, обойдется.. Знаю я этих философов. Кстати вы меня просили прислугу порекомендовать, так вот есть у меня на примете одна: работящая, хорошенькая, а уж такая кокетка, что мигом с него меланхолию снимет.

Хозяйка меблированных комнат (улыбается, смущенная). Вы думаете... это поможет?

Гадалка. Это спасет его. Я знаю этот возраст. Вы только смотрите на все сквозь пальцы, а я шепну ей, что речь идет о спасении человеческой жизни. Теперь же... (подходит к ширмам, отделяет ими уголок у

рампы и ставит там стул).. не пугайтесь (вполголоса) Я вашу дочку... загипнотизировала...

Хозяйка меблированных комнат. Т.-е. как?

Гадалка. Тсс. Усыпила.

Хозяйка меблированных комнат (тихо). Зачем же?

Гадалка (тоже тихо). А чтоб она нам всю правду о себе сказала! ведь не из-за флюса же вы привели ее?

Хозяйка меблированных комнат. Да, конечно, это был только предлог...

Гадалка. Ну вот мы и узнаем, что с ней такое; человек говорит правду только во сне. Пожалуйте сюда (указывает место за ширмой). Сейчас мы выясним, нет ли у ней флюса еще и вот здесь. (Показывает на сердце.)

Хозяйка меблированных комнат. Вы подозреваете...

Гадалка. А вот увидим... Садитесь и не волнуйтесь. (Хозяйка меблированных комнат послушно, хоть и не без волненья, исполняет предложение гадалки. Последняя уходит в спальню с громким зовом.) Идите сюда, Лидочка... не бойтесь, дитя мое, тут никого, кроме меня... вашего друга, полуоткройте глазки!.. (В дверях спальни появляется загипнотизированная ремингтонистка с полуоткрытыми глазами. Гадалка берет ее за руку и ведет к креслу, обращенному сиденьем к публике.) Садитесь вот сюда... Так!.. хорошо вам? зубки не болят? (Гладит ее щеку.)

Ремингтонистка (качает головой и отвечает еле внятно). Нет.

Гадалка. Ну и не будут болеть. Расскажите откровенно, что вы думаете о себе, о своей жизни... какое

ваше главное желание. Говорите искренно, как перед Богом, тут нет посторонних... Ну-с, о чем вы думаете больше всего...

Ремингтонистка (после паузы, мучительно). Я думаю... я думаю... (горло ее сдавливает судорога рыданий).

Гадалка. Успокойтесь... не надо плакать... говорите спокойно, не волнуясь...

Ремингтонистка (подавив рыдание). Я думаю... мои годы проходят... я никому не мила, кроме мамы... но я ведь знаю... есть другие ласки... не материнские... жгучие ласки, при мысли о которых голова кружится и сердце бьется так сильно и мучительно... Пусть мне не выйти уж замуж. Пусть, мне не надо... Но... Боже мой, неужели я так и умру, не узнав любви, о которой я еле смею мечтать. Жалкая, некрасивая, я только плачу, когда смотрюсь в зеркало... не зная, за что я лишена радостей, самых скромных и естественных... (Хозяйка меблированных комнат, с напряженным вниманием слушавшая исповедь своей дочери, не выдерживает жуткой простоты интонаций, с которой загипнотизированная говорит свой монолог, и в конце его начинает плакать.)

Гадалка (ремингтонистке). Закройте глаза. (Закрывает руками уши загипнотизированной и обращается к ее матери.) Марья Яковлевна... (Та встает, высовывается из-за ширмы и, сокрушенно качая головой, вытирает слезы.) Слыхали?.. Поняли причину причин?

Хозяйка меблированных комнат (плача). Господи... Лидочка моя ненаглядная! Бедная ты моя... и зачем я тебя на свет родила, горемычную...

Гадалка. Успокойтесь... Сейчас я ее разбужу... Вытрите глаза и притворитесь будто ничего не знаете... Теперь вам известно, в чем дело, и вы должны знать, в чем ее исцеление. В остальном положитесь на Бога... (Отнимает руки от ушей ремингтонистки и говорит ей). Откройте глаза!.. Идите в ту комнату, сядьте опять на постель и проснитесь... Скорей!.. (Ремингтонистка, шагом сомнамбулы, торопится с возвращением в спальню. По ее уходе, гадалка ставит ширмы на место и следует за ней. Хозяйка меблированных комнат сморкается и на-сухо вытирает глаза. Из передней доносится энергичный звонок; слышно, как отворяют двери.)

Ремингтонистка. (появляется в сопровождении гадалки, трет себе глаза, моргает и вяло улыбается). Я кажется заснула...

Гадалка. Ничего... зубки не болят?

Ремингтонистка. Нет... Спасибо... Федя ушел?.. (К матери). Отчего у тебя глаза красные?.. Ты плакала?..

Гадалка. Пустяки... не обращайте внимания... (Стук в дверь.)

Гадалка (подойдя к двери, но не открывая ее). Сейчас, сейчас...

Хозяйка меблированных комнат. Ну не будем вас задерживать... и так засиделись. (Прощается.) Спасибо за все. (Сует деньги в руку.) Сердечное спасибо...

Гадалка. Полноте... Не за что...

Хозяйка меблированных комнат. До-свидания. (Рукопожатия, после которых хозяйка и ремингтонистка уходят, почти столкнувшись около дверей с толстым

директором театра экзотической наружности, которого гадалка приветливо приглашает войти.)

Директор (входит в пальто, с цилиндром в руках и в перчатках). Доктор Фреголи дома?

Гадалка. Дома, дома, пожалуйте.

Директор. Доложите, что за ним приехал директор местного театра. (Ставит цилиндр на один из стульев и расстегивает пальто.)

Гадалка. Сейчас доложу. А пока присядьте пожалуйста и просмотрите журналы. (Берет со стола журналы и газеты и, сунув их в руки директора, скрывается на 2—3 секунды в спальню.)

Директор (оглядывает комнату удивленными глазами, пожимает плечами, снимает перчатки, бросает их в цилиндр и смотрит на часы. К вернувшейся гадалке). Вы бы хорошо сделали, если б прибавили, что я очень спешу... (садится и просматривает журналы).

Гадалка. Хорошо. (Кричит в двери спальни). Господин директор очень спешит. (Другим голосом — низким, мужественным, бодрым). Сейчас. (Снимает очки, зеленый козырек и парик с чепцом, расстегивает капот и открывает платяной шкаф. Директор оборачивается на скрип шкафной дверцы. Д-р Фреголи снимает с себя наряд гадалки и оказывается, к великому удивлению директора, в манишке, брюках и жилете. Он вешает капот в шкаф, достает из него пиджак, быстро переодевается и, зайдя в соседнюю комнату, подходит к туалетному столику, берет со стены полотенце, снимает вазелином старушечий грим, пудрится и причесывается.)

Директор (до нельзя пораженный, встает и отплевывается). Тьфу пропасть, ну можно ли так мистифицировать. И я, старая театральная крыса, не сумел подметить гримировки. Чорт возьми, уж не вы ли та самая знаменитая гадалка, о которой все уши прожужжали в нашем театре?

Д-р Фреголи (выходит из спальни. Это изящный пятидесятилетний, красивый господин, с чуть-чуть седыми короткими волосами. Держится прямо, уверенно, но отнюдь не вызывающе. Лицо вдохновенно. Умные, добрые, проницательные глаза. Тонкие губы, на которых блуждает едва уловимая ирония. Немного выдвинутый вперед подбородок — характерный признак твердой воли. Вся фигура его преисполнена подкупающей обаятельности). Вы не ошиблись, сударь. (Жмет руку директору.) Еще раз здравствуйте.

Директор. И вы не боитесь, что я вас выдам?

Д-р Фреголи. Нисколько, потому что, во-первых, вам никто не поверил бы, во-вторых, я завтра кончаю свои гастроли в этом городе, в-третьих, я рассчитываю на ваше благородство, а в-четвертых на тот пункт нашего договора, где соблюденье тайны гарантировано неустойкой. Договор при вас?

Директор. При мне. (Вынимает из бокового кармана листы актовой бумаги.)

Д-р Фреголи. Великолепно.

Директор. Но если это не секрет, скажите, милый доктор, что вас побуждает заниматься этой странной профессией.

Д-р Фреголи. Гаданием?.. Но я нажил им целое состояние.

Директор. Простите старого скептика, но ведь эта профессия основана на... обмане.

Д-р Фреголи. Все человечество, если верить психологам, инстинктивно предпочитает приятный обман неприятной истине. Помните слова поэта:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

Директор. Вы странный человек, д-р Фреголи, и когда вас слушаешь, решительно не знаешь, говорите ли вы серьезно или на смех. Во всяком случае надеюсь, вы не слишком эксплоатируете жертв своего невежества?

Д-р Фреголи (улыбаясь). Бедным скидка, зато с богатыми я беспощаден. Однако это состояние я наживал отнюдь не с эгоистической целью, в чем вы можете убедиться хотя-бы из этого договора. (Протягивает руку к листам актовой бумаги.) Вы позволите...

Директор. Прошу. (Передает ему один из листов.) А это копия. (Оставляет другой лист у себя.)

Д-р Фреголи. Садитесь, пожалуйста... (Садится на свое место «гадалки» и просматривает договор.)

Директор (садясь против него). И все-таки вы странный, вы непостижимый человек, д-р Фреголи.

Д-р Фреголи (смотря на часы). Мы не опоздаем к вам на репетицию?

Директор (проверяя время по своим часам). Да, уж поздненько. Вы хотите в театр непременно сегодня?

Д-р Фреголи. Ведь мы же так условились.

Директор. Нет, нет, пожалуйста. Я уж предупредил там, кого следует... намекнул на чисто американский характер вашей антрепризы. Словом — заинтриговал, и вас ждут с нетерпением. Остановка только за... (мнется).

Д-р Фреголи (поняв, в чем дело). Ага!.. (передает ему пачку денег). Вот, пожалуйста. Проверьте. (Директор пересчитывает деньги; Д-р Фреголи обмакивает перо в чернила, готовый подписать договор, и в последний раз его просматривает.) Пункт восьмой... неустойка... Гм... Так, верно. А срок до великого поста?

Директор. Последний день масляницы.

Д-р Фреголи. Так-с...

Директор (вдруг разражается плутовским хохотом). Ха, ха, ха, ха... да-с, доложу я вам.

Д-р Фреголи (удивленный). Чему вы смеетесь?

Директор. Мне представилось, что если бы кто-нибудь со стороны услышал нас сейчас, то... (хохочет).

Д-р Фреголи. То... Договаривайте.

Директор (смеясь). То, будь это даже сам Соломон премудрый, он ни за что не догадался бы, что вы замыслили и что это за договор такой.

Д-р Фреголи. Да... люди в большинстве бедны воображеньем (подписывает договор и передает его директору). Извольте... (Директор подписывает копию и в свою очередь передает ее д-ру Фреголи.) Спасибо... Итак — едем?..

Директор. Едем... (Д-р Фреголи надевает пальто.) Чорт возьми, в первый раз имею дело с настоящим фанатиком своей идеи!

Д-р Фреголи. Вот ваша шляпа. (Подает ему.)

Директор. Спасибо. (Надевает перчатки.) Но скажите откровенно, неужели вы уж так убеждены, что нашли путь к спасению мира?

Д-р Фреголи (черты лица его кажутся просветленными, глаза вдохновенно подняты кверху). Может быть я на то и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, внемлет гласу моему.

Директор (насмешливо). Но что есть истина? (Он испытующе смотрит на д-ра Фреголи, как Пилат на Христа. После паузы, во время которой д-р Фреголи снисходительно-любовно выдерживает пристальный взгляд директора театра, последний восклицает: «Идемте» с интонацией крупье Монте-Карло, предупреждающего rien ne va plus. Они уходят.)

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Второе действие следует за первым без антракта. Лишь только опустился занавес, как за кулисами раздается звонок, звучащий продолжительно и с нервными подергиваниями. Слышен голос режиссера: «на места, господа, на места. Эй, плотники, скоро вы установите сходни?.. Я же вам еще вчера приказал... Не время, голубчик,—я из-за вас не намерен задерживать репетицию... Все в сборе?.. Что?!.. Светозаров еще не готов?.. этого не доставало». Гул голосов заглушает слова режиссера. Справа из-за занавеса появляются два театральных плотника со сходнями. Слышны звуки рояля, на котором наигрывают какой-то восточный танец с модернистической гармонизацией. Плотники лениво устанавливают сходни в партер. Слева из-за занавеса появляется режиссер в сопровождении электротехника. Наружность режиссера, равно как и его костюм, изобличают тенденцию «быть не как все»; очень много претензии в лохматой с проседью прическе, в черном галстухе, завязанном нарочито небрежно, в манере курить папиросу. Электротехник же повидимому из «простых», усатый, веснушчатый, с розовым носом, выдающим приязнь к алкоголю.

Режиссер (плотникам). Живей, братцы, живей!.. и покрепче пожалуйста—я из-за вас шею ломать не намерен. (Электротехнику, нагибаясь над рампой.) Нет, вы только полюбуйтесь, в каком виде вы содержите лампочки. Пыль, грязь, голубые все выгорели, разбитые и не

подумали заменить... Что ж, мне самому этим прикажете заняться? так на что тогда электротехника держат... зачем вы нам нужны в таком случае?.. Не могу же я как нянька за вами ходить — у режиссера свои обязанности, посложнее, чем ваши. (Сконфуженный электротехник вытирает пыль с лампочек. К плотникам.) Можете итти обедать потом. Скажите только, чтобы дежурный остался. А верхового не нужно, потому что декорации только к вечеру поспеют. Да прежде чем уйдете, рояль подвиньте к первой кулисе и занавес поднимите. Через некоторое время, достаточное для установки сходней, плотники уходят. Режиссер, без паузы, вновь обращаясь к электротехнику.) Ну что, убедились теперь, что на вас нельзя положиться! — пыль, грязь, паутина. Немудрено, что на сцене темнота кромешная. Садится на корточки, проводит пальцем по лампочкам, еще не вытертым электротехником, и тычет ему палец под нос с укоризненным видом.) Полюбуйтесь, пожалуйста. И это в такой пьесе, как «Quo vadis», где требуется аджиорное освещение полуденного солнца. (Вытирает пыль с пальца платком и встает.) Черт знает, что такое. А еще требуют от меня художественной постановки. Ну как я вообще могу режиссировать, когда все, начиная с электротехника, готовы мне свинью подложить... (От усердной работы электротехника, который к этому моменту вздумал вытряхать тряпку, режиссер чихает.) Апчхи... прямо задохнуться можно. Зарубите себе на носу, что это будет не простая моя постановка, а художественная, стало быть электрические эффекты на первом плане — поняли? Я хочу,

чтобы «Quo vadis» вышел шедевром, настоящим шедевром. Понимаете?

Электротехник. А что это значит «шедевр», Аристарх Петрович?

Режиссер. Шедевр значит идеал. Лучше вытирайте пожалуйста.

Электротехник. Одеял... и много одеял этот Квовадис на себя навьючит?

Режиссер. Не одеял, а идеал.

Электротехник. Уж очень вы ученый человек, Аристарх Петрович, а мне так даже невдомек, кто этот самый Квовадис: полководец, царь или жулик какой-нибудь.

Режиссер. «Quo vadis» значит «куда идешь».

Электротехник. Ах, вот оно что... Ну и куда же, Аристарх Петрович?

Режиссер. Что «куда?»

Электротехник. Да «идешь»-то! далеко или близко?

Режиссер (в затруднении). Гм... Ну это как смотреть.. Скажу только, что с вами далеко не уйдешь, при таком отношении к делу.

Электротехник. Помилуйте, Аристарх Петрович.

Режиссер. Вы забываете, какая на вас важная лежит задача... Ведь если драматург просвещает своей пьесой публику, то только потому, что электротехник освещает его пьесу на сцене... Без освещенья не может быть и просвещения. Поэтому вы каждый раз должны посвятить все свои силы, чтобы осветить пьесу как следует. Поняли?

Электротехник. Понял, Аристарх Петрович. А чья это пьеса, этот Квовадис самый?

Режиссер. Моя. Т.-е. фабула Сенкевича, а переделка моя. Но это нисколько не меняет дела: как Сенкевича, так и меня вы должны освещать одинаково хорошо.

Электротехник. И даст же Бог талант людям. Вот уж действительно «куда идешь». Далеко пойдете, Аристарх Петрович, право слово. И пьесы сочиняете, и в каждую пылинку на лампочке вникаете. Умудрил Господь. (Слева входит «актер на роли любовников»; в руках его римская туника, вышитая золотом. К моменту его появления, плотники, установив сходни, уходят за занавес направо; режиссер же и электротехник, пройдя ряд рамповых лампочек слева направо, находятся к этому моменту около суфлерской будки.)

Актер на роли любовников. Аристарх Петрович, я этого костюма не надену.

Режиссер. Как так?.. вы же знаете, что сегодня репетиция в гриме и костюмах.

Актер на роли любовников. Да, но это не по мне.

Режиссер. Что не по вас?

Актер на роли любовников. Костюм.

Режиссер. Вышитый римский. Какой вам еще нужен?

Актер на роли любовников. Такой, чтобы сидел хорошо.

Режиссер. А вы были на примерке?

Актер на роли любовников. Был. Но после меня заходил еще Степанов.

Режиссер. Степанов играет Нерона.

Актер на роли любовников. Ну вот, а он сказал портному, что будет играть Марка Випиция, т.-е. в очередь со мной.

Режиссер. Ну так что ж?

Актер на роли любовников. А то, что портной сшил наполовину для меня, наполовину для Степанова.

Режиссер. Да он вам впору?

Актер на роли любовников. Мало ли что впору! Мне и смертный саван впору, это еще не основание, чтоб я его надел.

Режиссер. Почему?

Актер на роли любовников. Потому что умирать еще не собираюсь

Режиссер. Нет, я не о саване спрашиваю, а об этом костюме.

Актер на роли любовников. Это тот же саван. Выпустить актера в плохо сшитом костюме все равно, что похоронить его по первому разряду.

Режиссер. У вас вечные отговорки! — то костюм плохо сшит, то суфлер вас подводит, то нога болит, то еще что-нибудь... Сами вы ролей не учите, на репетиции опаздываете, к спектаклю за пять минут появляетесь; и вообще так относитесь к делу за последнее время, что поневоле вам дублера назначаешь.

Актер на роли любовников (лениво). Бросьте ваши нотации, я в них не нуждаюсь. Скажите лучше, переговорили ли вы с директором о моей «прибавке» к жалованию; я при такой дороговизне, как теперь, решительно не...

Режиссер (перебивая). Господи, какой вы странный, Петр Петрович! неужели вы не слыхали, что директор связался с каким-то американцем, который набирает

труппу из других театров, и потому ему не до «прибавок» артистам, которые завтра же быть-может будут уступлены этому американцу, чтобы дьявол побрал его, со всей его затеей.

Актер на роли любовников. А что это за затея?

Режиссер. А чорт его ведает. (Поднимается занавес. Декорации отсутствуют. Сцена представляется в том виде, какой ей свойствен на репетициях в провинциальных театрах. В глубине, шагов восемь от рампы козлы, на которых доски, изображающие трапезу на пиру Нерона; за ними скамьи с цветными подушками для «возлежания». Такой же примитивно-театральный «стол» и «ложе», только вдвое меньших размеров, стоят и налево. Направо же, приблизительно такого же протяжения, как стол налево, помост, на котором высятся две фантастичные арфы и лежит «флейта Пана». В общем «установки» образуют букву «П» на коротких ножках с интервалами между ними и «перекладиной». Справа виден рояль, скрывающий своим корпусом и пюпитром с нотами музыканта, за исключением его ног, опирающихся на педали. Актеры и актрисы одеты в затейливо бесвкусные костюмы, претендующие на эпоху Рима времен Нерона. Среди них трое в одеждах «ассирийских музыкантш», и танцовщица-босоножка в туфлях, на босу ногу, и в легком халатике, отчасти скрывающем довольно откровенный костюм ассирийки. При поднятии занавеса одни сидят на столах и на помосте, другие на скамьях, третьи гуляют парами, четвертые стоят, оживленно беседуя и куря папиросы.)

Электротехник (добравшийся со своей пыльной тряпкой до конца рампы, направо, показывает режиссеру вывинченную им лампочку). Это уж не моя вина. (Его плохо слышно за гулом актерских голосов.)

Режиссер. Перегорела?.. очевидно, вы ставите подержанные лампочки...

Электротехник. Да Боже избави...

Режиссер. Отчего ж другие не перегорели?

Электротехник. Да разве в душу им влезешь?

Режиссер. В душу нет, а вот в карман дирекции — это другое дело.

Электротехник. Бога вы не боитесь, Аристарх Петрович.

Режиссер. А вы лишних расходов. (К актерам). Начинаем, господа (хлопает в ладоши). Начинаем... Прошу на места. На места! (Актеры занимают свои места в следующем порядке: «Нерон» и «Поппея» посредине за средним столом; направо от «Нерона» «Тигелин»; налево от Поппеи Петроний; с правой стороны стола, за узкой его стороной, полу-усаживаются, полу-укладываются, имитируя древне-римское возлежание, комик труппы, исполняющий роль «Вителия», толстый, обрюзгший, небрежно подгримированный, и «Кальвия Криспинилла», очень мало похожая на разнузданную гетеру, которую она тщится изобразить; с левой стороны стола vis-à-vis к «Вителию» и «Криспинилле» помещаются «Нигидия» и «поэт Лукан». За отдельным столом налево устраиваются «Лигия», изображаемая несколько полноватой, в отличие от «Поппеи», артисткой, и артист на роли любовников,

т.-е. Светозаров, исполняющий в партикулярном платье и без грима роль «Марка Випиция». Все пирующие увенчаны венками из бумажных роз, производящих довольно жалкое впечатление. Направо, на помосте, размещаются «ассирийские музыкантши» — две арфистки и одна флейтщица, — а перед ними, скинув халатик, танцовщица - босоножка. Один единственный «раб», с волосатыми руками и неуклюжими движениями, обносит всех бутербродами, которые покоятся в ограниченном количестве, на белом простом блюде. Из-за портала справа выбегает, семеня ножками и докуривая на-ходу папиросу, старенький суфлер, с «экземпляром» пьесы; он не без труда и не без молчаливых проклятий спешно занимает место в своей будке; так как гул голосов не прекращается, то режиссер снова хлопает в ладоши.)

Режиссер. Тише... Тсс... (Кричит на-верх в сторону колосников). Бутафор на месте?

Голос сверху. Я вместо него.

Режиссер. Кто?

Голос сверху. Я, *я*, не беспокойтесь, Аристарх Петрович.

Суфлер (высовываясь из будки, режиссеру). Помощник там. Бутафор не может сегодня.

Режиссер (на-верх). Ах, это вы, Иван Иванович... А где же бутафор?

Голос сверху. У него жена родит сегодня (оживление среди актеров).

Режиссер. Ах вот что... Цветы готовы?

Голос сверху. Готовы.

Режиссер. Розы?

Голос сверху. Да.

Режиссер. Много?

Голос сверху. Так себе.

Режиссер. Знаете, когда сыпать?

Голос сверху. Будьте покойны.

Режиссер (хлопает в ладоши). Начинаем... Музыка... Номер первый... (Музыка играет эпиталаму из оперы «Нерон» А. Г. Рубинштейна. Актеры делают вид, что пьют, едят и вообще стараются, что называется «жить на сцене». Режиссер достает справа, из-за портала, стул и усаживается у края рампы.) Больше жизни, господа!.. неги, неги больше... не забудьте о сладострастии... Беспрерывная пластика. Опьяненье, истома, разгул, но вместе с тем придворные манеры... Петроний, задавайте тон!.. Нерон, ваш изумруд... лорнируйте им направо и налево... (Нерон исполняет требуемое.) Больше зверства во взгляде!.. помните, что Нерона считали Антихристом... Кровожадные манеры, осанка и тому подобное... Хохочите!.. общий хохот. (Все актеры смеются, как-то вдруг и нелепо искусственно.) Больше веселья, больше жизни, огня побольше и пресыщения... Петроний, больше иронии! Виниций, больше страсти! Поппея, больше разврата!.. Лигия, больше христианского мученичества!.. (Музыка прекращается. Неловкая пауза.) Ну что же?.. чьи слова?.. Диалог! Начинайте!..

Суфлер (надсаживаясь). Это и есть заложница, в которую...

Нерон (спохватившись). Ах, да, виноват. (Напыщенным тоном.) Это и есть заложница, в которую влюбился Виниций? (смотрит в «изумруд» на Лигию).

Петроний (тоном фата). Да, цезарь, это она.

Нерон. Как зовут ее?

Петроний. Лигия.

Нерон. Виниций считает ее красивой?

Петроний. Да, но на твоем лице, несравненный знаток, я прочел уже приговор относительно ее. Ты можешь не произносить его, я знаю. «Слишком узка в бедрах». Готов побиться об заклад, что хоть во время пира, когда все лежат, трудно судить о фигуре, но ты уже сказал себе: «слишком узка в бедрах».

Нерон. Верно: слишком узка в бедрах.

Поппея (с демонстративной усмешкой). Хороши «узкие» бедра, нечего сказать.

Нерон. Виноват, это ваша реплика?

Поппея. Нет, это мое мнение.

Режиссер (встает). В чем дело, что такое?

Поппея. Ничего особенного, отдаю лишь должную дань удивления «узким» бедрам г-жи Аркадьевой.

Лигия. Прошу оставить мои бедра в покое!

Поппея. О пожалуйста, ваши бедра меня не касаются, но ваша роль, которая принадлежит мне по праву, а-а, это извините, меня очень касается.

Режиссер (извинительно). Простите, но для роли Лигии нужны не только подходящие бедра, но и подходящий талант.

Поппея. Совершенно верно. Страшно только, что талант артистки замечается вами лишь после ужина

с нею. Но не всем же одинаково приятно ваше общество...

Нерон (слегка нервничая). Дальше, господа (по роли), «слишком узка в бедрах».

Поппея. Да уж действительно. Как раз для «художественной постановки». Ха, ха, ха.

Режиссер. Чш... Довольно, или я вас оштрафую! (садится). Дальше.

Комик (играющий роль «Вителия» с фарсовыми интонациями и повидимому охмелевший до «возлияний» на «пиру Нерона»). Ты ошибаешься, Петроний. Я держусь мнения Цезаря.

Петроний. Прекрасно. Я только что утверждал, что у тебя большой ум, а цезарь сказал, что ты осел. (Хохочет вместе с другими «пирующими».)

Режиссер (к Петронию). Ну кто так смеется?!.. Разве Петроний может так смеяться будучи arbitr'ом elegantiarum. Надо элегантно смеяться, что-нибудь вроде: ха, ха, ха... (Показывает «элегантный» смех.) Вот так хотя бы. Попробуйте. (Некоторые фыркают.)

Петроний (копируя режиссера чуть-чуть пародируя). Ха, ха, ха... (Все хохочут самым искренним образом.)

Режиссер (изведенный). Господа, если ваши «хи, хи, хи» не прекратятся, — я брошу репетицию и оштрафую смеющихся.

Актеры. Да ведь нам же по пьесе полагается смеяться!

Режиссер. Так по пьесе и смейтесь, а не по моему адресу, — я вам не мальчишка. Дальше.

Лукан. А я верю в сны; да и Сенека говорила мне недавно, что...

Режиссер. Сенека был мужчиной! «говорил», а не «говорила».

Лукан. Суфлер, подавайте громче!

Суфлер. Надо роли учить.

Лукан. Надо роли учить.

Режиссер. Не балаганьте.

Лукан. Я повторяю то, что мне подсказывает суфлер.

Режиссер. Приберегите остроумие для комедии. А то в комедии играете так, что публика зевает, а в драме готова лошнуть со смеху.

Лукан. Еще бы, если вместо луны у вас какой-то горшок поднимается на горизонте.

Режиссер. Довольно. Дальше.

Лукан. Сенека говорил мне недавно... (К «рабу», который снова сунулся к нему со своими бутербродами). Да отвяжитесь, ради Бога!.. В десятый раз лезет со своим дурацким блюдом — играть не дает.

Режиссер («рабу»). Надо меру знать... Уйдите пока-мест (раб уходит).

Лукан. Сенека говорил мне недавно, что тоже верит в сновидения.

Нерон. А гадание?.. Мне как-то было предсказано, что Рим перестанет существовать, а я буду владыкой всего Востока.

Петроний. Гаданье и сон имеют много общего... (Режиссеру). Я думаю, — дальше можно сократить. Монолог не ахти какой ценности.

Режиссер. Опять сократить?.. Я же сократил что можно. Нельзя же, вместо пьесы давать публике какой-то обгрызок. (Суфлеру, подойдя к нему.) Дайте ваш экземпляр. (Идет с суфлерским экземпляром к «Петронию» и сличает вместе с ним его роль со своим и суфлерским экземпляром, что-то вычеркивая и споря урывками.) «Гаданье и сон»... Хм... «гадание»...

Актер на роли любовников («Лигии»). Да, насчет гаданья... Был я наконец у этой знаменитой гадалки.

Лигия. Ну и что же вам сказала гадалка?

Режиссер. Просто чудеса в решете. Как на ладони все видит. Такой, говорит, ангажемент получим, что... (целует концы пальцев).

Лукан (подходя к ним). О чем вы, господа? — О новом антрепренере балакаете? Говорят, такой богач, каких мало, и не то, чтобы оригинал, а вроде как бы фанатик... «идея» у него какая-то, одним словом апостол.

Танцовщица-босоножка. Откуда вы слыхали?

Лукан. Вчера за ужином директор рассказывал... Правда, я не все усвоил, уж больно забористый херес попался, — ну, а все же был поражен. Да и как не поразиться, — где ж это слыхано, чтоб антрепренер антрепренеру, значит своему же сопернику, выдавал из труппы кого хочешь на выбор. Так сказать «сманивать» бы с места позволил. Тут или какая-нибудь подлая сделка или...

Режиссер (заканчивая обсуждение купюр и «вымарывание»). Вот и все. (Хлопает в ладоши.) Господа, продолж...

Нерон (принимавший участие вместе с Петронием в выяснении купюр). Виноват, какая же моя реплика? ведь этак выйдет бессвязно. Я не понимаю...

Режиссер. Господи... в трех соснах заблудились. Смотрите. (Показывает на своем экземпляре.) Вителий хохочет... и сейчас же ваши слова. (К ним подходит комик, заинтересованный упоминанием своей роли. Режиссер, нервно заканчивает свои объяснения.)

Лукан (не отходя от группы, часть которой он только что составлял.) Который час?

Актер на роли любовников (смотрит на часы). Половина первого. А что?

Лукан. Неровен час... Можно ждать с минуты на минуту. Директор говорил, что кажется сегодня утром...

Танцовщица-босоножка (вглядываясь в темноту зрительного зала.) Опять какие-то посторонние забрались в партер... Ишь темень какая!.. Не разобрать даже, кто. Зачем их пускают на репетиции?

Лукан. Да это все свои... У меня прекрасное зрение... (Всматривается в партер.) Дети бутафора... сестры кассирши... брат электротехника...

Танцовщица-босоножка. А там дальше... в глубине?

Лукан. Да чего вы беспокоитесь?

Танцовщица-босоножка. Как «чего?» А вдруг этот «американец»...

Лукан. Что?

Танцовщица-босоножка... сидит себе незаметно в глубине и уж выбирает, критикуя нас во всю.

Лукан. Вот фантазия! Директор сказал, что приведет его прямо на сцену... даже кажется хотел заехать за ним...

Режиссер (возвращая суфлеру его экземпляр пьесы.) Тише!.. по местам!.. (Все занимают прежние места.) Итак — сокращенье... Реплика у Вителия меняется (Комику.) Отметьте: — «гаданье и сон имеют много общего». После этих слов ваш смех. Давайте.

Комик. Сейчас. (Отмечает, серьезный, карандашем в своей роли и потом заливается фарсовым смехом.)

Режиссер. Нерон, ваши слова.

Нерон. Чего хохочет эта бочка сала?

Петроний. Смех отличает людей от животных и у него нет иного способа показать, что он не свинья.

Комик (играя сильным нажимом «педали комизма»). Я уронил патрицианский перстень, доставшийся мне от отца.

Нерон. Который был сапожником... (Вителий-комик отвечает смехом и начинает искать перстень в складках пеплума Кальвии Криспиниллы.)

Нигидия. Ищет, чего не потерял.

Лукан. И что ему не понадобится, если бы и нашел... Ха, ха, ха...

Криспинилла (комику, тоном возмущения). Послушайте, Семен Аркадьевич, ведите себя прилично!

Комик. У меня в ремарке сказано (читает по роли) «ищет свой перстень в складках платья Криспиниллы»... Виноват, вы играете Криспиниллу?

Криспинилла. Я.

Комик. Ну вот я и ищу у вас. Чего вы придираетесь?

Криспинилла. Надобно условно, а не так, чтобы... Невежа. Вы отлично понимаете, о чем я говорю, если не пьяны.

Комик. «Условно?»... Ради Бога, научите, голубушка! 20 лет на сцене, а как это «условно» искать, мы, артисты реального направления, ей-Богу не понимаем...

Криспинилла. Стало быть, по вашему, если в пьесе сказано, что «отрубает ей голову», вы и в самом деле мне голову срубите?

Комик. Вот так пример. Да где же, кроме балагана, вы такие пьесы видели?

Криспинилла. Во всяком случае я требую, чтоб вы вели себя прилично. Я не какая-нибудь. По роли вам не полагается давать волю рукам.

Комик. По роли?.. А вас когда-нибудь пороли, родная?.. Ох, живи мы в век Нерона и будь вы моею рабыней, я бы вас ежедневно, как Петроний Эвнику, порол бы, приговаривая: «не привирайся, уважай артиста, 20 лет искусству прослужившего». И уж будьте уверены, порол бы не «условно», а самым, извините, реальнейшим образом.

Криспинилла. А я, живи мы в век Нерона, бросила бы такого развратника на съедение зверям, да еще аплодировала бы как сумасшедшая.

Режиссер. Довольно, господа, довольно!.. Остается только порадоваться, что вы живете не при Нероне, так нечего и мечтать... Дальше.

Танцовщица-босоножка. Дальше мой «танец ассирийской невольницы». Только нельзя ли опустить занавес... там посторонние...

Режиссер. Ну так что же?

Танцовщица-босоножка. Ведь это же не генеральная репетиция?

Режиссер. Все равно, мне нужно общее впечатление. Я буду сам смотреть из зала. Кстати надо проверить эффект падающих с потолка роз. (Кричит наверх.) Вы помните, что сейчас цветочный дождь?

Голос сверху. Помню.

Режиссер (спускается по сходням в зрительный зал, говоря на-ходу.) Не забудьте, господа, что это художественная постановка. Здесь важна каждая мелочь. Музыка, вступление! (Слышны звуки рояля, на котором исполняется музыка томной восточной пляски.)

Танцовщица-босоножка (сбрасывает туфли и уже хочет встать в позу, как наступает на гвоздь.) Опять гвозди на сцене. (Подымает гвоздь.) Это тоже относится к «художественной постановке»?

Режиссер (вставая в среднем проходе театра, кричит зычным голосом). Подмести сцену! Иван!

Актер на роли любовников (кричит налево за кулисы.) Иван, подметите скорее.

Танцовщица-босоножка (в сторону рояля). Подождите маэстро... (Музыка смолкает. Входит рабочий с метлой.)

Поппея. Опять будут пылить! — вы же знаете, какие у меня слабые легкие! (Сверху падают на стол, на актеров и на рабочего с метлой бумажные розы.)

Актеры. А-а... цветочный дождь! (Смотрят все наверх.)

Танцовщица-босоножка (рабочему, начавшему было подметать сцену.) Надо было раньше, никакого порядка. Всякое настроение может пропасть.

Нерон (визгливо). Ай... чорт возьми, этак без глаза можно остаться! (Вертит в руках бумажную розу, попав-

шую ему в глаз.) Да она на проволоке, проклятая?.. (кричит в зрительный зал). Аристарх Петрович, этак мы все окривеем, голубчик.

Режиссер. А зачем вы смотрите наверх?.. что за любопытство такое! Помните, что вы благородные римляне, которых ничем не удивишь.

Комик (бросая бумажную розу в рабочего с метлой). Как, даже вашей «художественной постановкой»? Ну, нет, и они бы удивились. (Общий смех.)

Танцовщица-босоножка (рабочему). Сейчас не время, — надо было раньше. (В сторону рояля). Маэстро, начинайте. (Раздастся музыка восточной пляски. «Ассирийские музыканты» перебирают струны арф. Режиссер, в партере, отбивает такт то рукой, то ногами. Танцовщица-босоножка старательно пляшет. Бумажные розы с шуршанием шлепаются на сцену. Рабочий с метлой почесывает затылок и уходит.)

Лигия (во время танца босоножки). Ах, Марк, гибка, прекрасна эта невольница. Но взгляни на Поппею, как прекрасна она, наша божественная Августа.

Актер на роли любовников (с жаром). Да, она прекрасна, но ты прекраснеи во сто крат... Коснись губами этой чаши с вином, чтобы я мог потом прижать свои к этому же месту... (Она пьет из чаши, потом он.) Я видел тебя в доме Авла у бассейна, и я полюбил тебя... И я сейчас вижу тебя такой, как тогда, хотя и закутана ты в одежды. Сбрось их, как это сделала Криспинилла. И боги, и люди жаждут любви.

Комик (Криспиниле). Виноват, вы играете Криспинилу?

Криспикилла. А вам что?

Комик. А то, что вы должны быть по пьесе раздеты.

Криспинилла. Еще что вздумали?!

Комик. Вы слышали, что говорит Марк Виниций? «Сбрось свои одежды, как это сделала Криспинилла». Вы играете Криспинилу?

Криспинилла. Отвяжитесь, Семен Аркадьевич! Серьезно говорю вам, отвяжитесь.

Комик. Сначала сбросьте одежды, потому что этого требует «художественная постановка» (К режиссеру.) Правда? (Хочет сорвать с нее пеплум.)

Криспинилла. Вы хотите, чтоб я дала вам пощечину, пьяная морда!.. Пустите... (Выскакивает из-за стола. Режиссер бросается на сцену.)

Режиссер. Что такое, в чем дело? (Танец прерывается.)

Криспинилла. Прикажите этому идиоту держать себя прилично, или я за себя не ручаюсь!

Режиссер. О боги, ни одной репетиции не могут без скандала.

Танцовщица-босоножка (режиссеру.) Я вам говорила, что лучше опустить занавес... Охота быть посмешищем перед посторонними... Надо иметь самолюбие...

Комик (проходя к рампе.) А почему здесь посторонние? Кто их пустил? (Орет в зрительный зал.) Господа, здесь вам не место... Уходите... Ну, ну живей!.. Пошевеливайтесь... Ишь набрались... и кто вам позволил?

Режиссер (к публике.) Будьте любезны, господа, освободить театр от своего присутствия, или я должен

буду принять меры, которые вряд ли для вас желательны.

Актер на роли любовников (к публике.) Господа, ничего поучительного, красивого или возвышенного вы в нашем театре не увидите. Надеюсь, убедились сами. Уйдите пожалуйста,— это грустное зрелище. Мы сами знаем, что жалки и смешны в нашей претензии изображать героев, не имея в душе ничего героического. Не срамите же нас своим присутствием... Ну что забавного в том, что люди ломаются из-за куска хлеба, не способные на трудную, созидательную работу, «ломаются» воображая, что это служение искусству, человечеству, высокой идее облагораживания душ! Вы теперь видели как современные жрецы Мельпомены готовятся к облагораживанию ваших душ. Надеюсь, этого достаточно, чтобы отвадить вас раз-навсегда от театра. Уйдите же пожалуйста и не срамите нас своим присутствием!

Режиссер (актеру на роли любовников). Ну, батюшка, а вы уж и скажете тоже!..

Комик (хлопая по плечу актера на роли любовников). Обрадовался человек!

Режиссер. Прямо через край хватили!.. (к публике). Еще раз, господа, настоятельно прошу вас удалиться... Честью прошу.

Доктор Фреголи (появляясь в зрительном зале у рампы в сопровождении несколько сконфуженного директора). Может быть вы сделаете для меня исключение? (Легкое замешательство среди актеров; некоторые покидают свои места и спешат с любопытством навстречу вновь прибывшему.)

Директор (входит на сцену вместе с доктором Фреголи). Господа, позвольте вам представить доктора Фреголи, который пожаловал сюда в качестве антрепренера театра, нуждающегося в хороших актерах. Из интересов солидарности я дал разрешение на переговоры с вами и, таким образом, д-р Фреголи, наш гость, которого прошу любить и жаловать.

Доктор Фреголи (кланяясь). Я очень благодарен г-ну директору за лестную рекомендацию, но должен сразу же оговориться, что я антрепренер театра, в котором, с точки зрения профессиональной, нет решительно ничего театрального: нет декораций, нет занавеса, нет рампы и даже нет намека на суфлерскую будку. Он зовется «Жизнью», этот замечательный театр. И если он имеет свои преимущества, то рядом с ними он не чужд и недостатков. Прежде всего, это очень старомодный театр, с отжившими традициями, с до сих пор не сыгравшейся труппой, где главные роли играют сплошь и рядом не достойнейшие, а ловкие интриганы, театр, где годами царит засилие бездарных режиссеров, где играют чорт знает какой репертуар и играют плохо, не считаясь иногда ни с суфлером, ни с партнерами. В нем нужны коренные реформы, начиная с материального положения труппы, так как нельзя же допустить в самом деле, чтобы в то время, как одни актеры голодают, другие получали бы баснословный оклад... Впрочем, последний вопрос кажется близок к своему разрешению, так как подавляющее большинство уже решительно настаивает на приглашении управляющего труппой... вы конечно слыхали о нем! личность

весьма почтенная, несмотря на свое нелегальное происхождение. Я говорю о Социализме... Он обещает очень много, начиная с распределения ролей на более справедливых началах. Но к сожалению его специальность — вопросы чисто материального характера. Это конечно уже много—разрешить эти вопросы, но это еще не все, что требуется. В самом деле!— сделать всех равноправными в отношении материальных благ не значит еще достичь того же в отношении благ духовных и эстетических. А между тем на свете миллионы людей, лишенных интимных радостей благодаря убожеству, миллионы наших ближних, для которых равноправие Социализма должно звучать горькой насмешкой. Это конечно не аргумент против Социализма, это лишь аргумент в пользу того, что мы должны еще что-то сделать, еще что-то предпринять в интересах высшей морали.

Директор (вкрадчиво). Простите, доктор Фреголи, но... в труппе очень мало лиц со средним образованием, и я боюсь, не все вас поняли...

Несколько голосов. «Вот тебе раз»... «Причем тут среднее образование»... «Что ж тут непонятного»?

Доктор Фреголи (серьезно). Имейте в виду, господа, что я пришел в театр «не нарушить закон, а исполнить». Я только рядом с официальным театром, как лабораторией иллюзий, ратую и за театр неофициальный, как за рынок сбыта этих иллюзий, театр еще больше нуждающийся в реформах по организации, ибо он—сама Жизнь, Жизнь, где иллюзия нужна не меньше, чем на этих подмостках, и где, раз мы не в силах дать

счастие обездоленным, мы должны дать хотя б его иллюзию. Это самое главное. Я сам актер, но мое поприще не сцена театра, а сцена жизни, куда я призываю и вас, мастеров в искусстве творчества спасительных иллюзий. Всем сердцем верю в миссию актера, сходящего с этих подмостков в кромешную тьму жизни во всеоружии своего искусства! ибо мое искреннее убеждение, что мир спасется чрез актера и его волшебное искусство.

Танцовщица-босоножка (взволнованно). Я начинаю понимать вас, не знаю только, верно ли...

Директор (д-ру Фреголи). Позвольте я им объясню вашу идею попросту! так сказать, на примерах.

Доктор Фреголи (улыбаясь). Пожалуйста.

Директор. Я возьму ваши же примеры... Господа... доктору Фреголи пришло в голову следующее. Существуют несчастные, которым никакой социализм не поможет, потому что им недостает того, что дороже всяких материальных благ: таланта, красоты, силы духовной, здоровья, юности и т. п. Живет, допустим, старичек одинокий, жалкий, никому ненужный. Итти в богадельню, т.-е. «сдать себя в архив», еще не хочется, а так жить, без друзей, без близких, тоже не Бог весть как сладко. Вот Доктор Фреголи и приглашает вас, как опытных актеров, завести знакомство с подобным несчастным, прикинуться его приятелем и скрасить своей дружбой остатки его дней (доктору Фреголи). Верно я вас понял?

Д-р Фреголи. Отличный пример.

Директор (актерам). Или, например, заставьте себя притвориться влюбленным в какую-нибудь дурнушку,

на которую, что называется, «никто не польстится» (легкий смех среди актеров).

Д-р Фреголи. Простите, господа, но разве это так уж трудно или смешно в глазах профессиональных jeune premiers, влюбляющихся ежедневно на сцене как в красивых актрис, так и в некрасивых?

Директор. Кому это трудно, может посвятить свое искусство другому, например, больным детям, брошенным их здоровыми сверстниками. «Оденьтесь,—говорит доктор Фреголи,—клоунами, паяцами, полишинелями и отдайтесь в руки беднякек, как живые игрушки» (Среди актеров недоумение, смешки, шушуканье.)

Комик. Виноват, доктор Фреголи, вы... вы предлагаете нам это в шутку или всерьез?

Д-р Фреголи. А это уж как вам угодно принять, так и принимайте.

Комик. Ага... Гм... Хорошо-с... Мы вас поняли, доктор Фреголи. Оч-чень трогательная идея, безусловно, благотворительная, можно сказать. Но позвольте, не вдаваясь в ее критику, спросить: а какой же гонорар сулите вы за такую игру «на сцене жизни», как вы выражаетесь? Ведь актеры—имейте в виду—и без того эксплоатируются на всяческих благотворительных спектаклях и концертах «в труппе». С одного вола двух шкур не дерут, так ведь, товарищи?

Д-р Фреголи (с легкой иронией, слегка передразнивая интонации комика). Оч-чень характерный вопрос для профессионального актера. Вы спрашиваете, какая польза лицедеям от подобной «затеи?»

Комик. Вот именно.

Д-р Фреголи. Я вам отвечу, как Сократ, что добродетель — знание, которое приобретается практическим путем. Роль создает характер человека порою так же, как человек, играя, создает характер роли. Через преображение к преображению. Измениться к лучшему разве это не достаточная награда? (Движение среди актеров.)

Комик. Ну, знаете ли, за 20 лет службы на сцене я бы не прочь заработать что-нибудь посущественнее (сдержанный смех среди окружающих).

Д-р Фреголи. Я не застигнут этим смехом врасплох. Кому же неизвестно, что если б общество не оплачивало труда сестер милосердия, их было бы меньше, чем требуется? Когда-нибудь то же общество или само государство возьмет на себя и оплату труда «актеров» и «актрис милосердия», как я их называю, а пока... пока нужна частная антреприза, и вот я обращаюсь к вам и как антрепренер, и как драматург пьесы, которую я собираюсь поставить на «сцене жизни» под своей личной режиссурой.

Директор. Конкретно доктору Фреголи требуются в данный момент только трое исполнителей: двое артистов и одна артистка; амплуа: любовник, комик и субретка. Условия: тот же оклад жалованья, что и у меня, плюс 25%; срок с завтрашнего дня по Великий пост.

Д-р Фреголи. Это мой первый опыт постановки пьесы в жизни при участии профессиональных актеров. Поэтому я очень просил бы откликнуться на мой призыв, господа, тем более, что пьесу я предлагаю не трудную.

Танцовщица-босоножка (выступая вперед; восторженно). Я согласна. Гожусь в субретки?

Д-р Фреголи (пожимая ей руку). Милости просим.

Комик. Господин директор тоже откликнулся. Вот уже двое.

Директор. Что вы хотите сказать? На что вы намекаете?

Комик. А на вашу роль в прологе к этой пьесе.

Директор. Какую роль?

Комик. «Честного маклера»... не знаю только, какой процент вам причитается. (Смех среди актеров.) Впрочем, извиняюсь, — это вопрос деликатный.

Директор (задетый за живое). Знаете что? всему должны быть границы,—даже вашему остроумию. Вы стали просто несносны за последнее время. Говорю совершенно серьезно: если доктор Фреголи избавит нас от вашего присутствия, никто, я полагаю, в труппе не заплачет.

Криспинилла. Да уж от меня слез не ждите.

Комик. Ну что ж, и я не заплачу, так как наверное в труппе доктора Фреголи я найду больше уважения к таланту, 20 лет верой-правдой прослужившему искусству.

Д-р Фреголи. Во всяком случае вас ждет не меньше уважения (сдержанный смех среди артистов).

Комик. И то хлеб... Гожусь вам?

Д-р Фреголи. Милости просим.

Директор (к танцовщице-босоножке). А вот вас, родная, не хотелось бы лишиться! сами знаете, что в «Quo vadis», например, вы...

Режиссер (подскочив к танцовщице-босоножке). Послушайте, вы шутите? Я ничего не понимаю.., это всерьез?.. Да как же мы без вас... Нет, вы нарочно, очевидно... Вас некем заменить, вы сами знаете.

Танцовщица-босоножка. Пустяки, — возьмете из кафе-шантана, публика не больно разбирается в тонкостях искусства... Было бы лицо смазливое, да икры хорошие. А таких сколько угодно найдете.

Директор. А как же муж? Вам придется разлучиться в таком случае... Да и позволит ли он?

Актер на роли любовников. Позволю, не беспокойтесь... Разрешаю и благословляю...

Танцовщица-босоножка (задетая за живое). Ему ведь до меня все равно, разве вы не знаете, что это за человек?

Актер на роли любовников. Очевидно, господин директор лучше меня знает. Да и все здесь, верно, кроме тебя, поняли, при каком условии я даю свое разрешение.

Директор. Как!.. и вы меня покидаете?!.. (хватается за голову с преувеличенным отчаянием, хотя и не без нарочито комического оттенка).

Актер на роли любовников. Если я только пригожусь доктору Фреголи, — какой же может быть вопрос...

Д-р Фреголи (пожимая ему руку). О, я на вас рассчитывал... я только ждал, чтоб вы откликнулись...

Актер на роли любовников (ему). Всем сердцем, милый доктор. Вы меня безумно заинтриговали... Мне любо все необычайное, и «Дон-Кихот» моя настольная книга... Спросите у жены.

Танцовщица-босоножка. Это правда (любовно берет его под руку).

Директор (доктору Фреголи). Вы коршун, сударь. Да, да. Вы для меня злой коршун, таскающий из моего гнезда любимых птенцов... (Комик ему низко кланяется.) Не о вас говорят... (Смех среди окружающих.)

Д-р Фреголи (улыбаясь). Но этот коршун прилетел сюда на крыльях любви и с вашего согласия.

Директор Я был под гипнозом. Ей-Богу, я словно был под гипнозом, давая коршуну свое согласие.

Режиссер. Потерянного не воротишь, господин директор. Лучше подумать, кем нам заменить уходящих... Можно вас отвлечь на минуточку?.. (уводит директора под руку в глубину сцены налево.)

Нерон (идет вслед за ними). Что касается роли Винициия, вы можете быть спокойны, господин директор...

Нигидия (идет также вслед за режиссером и директором вместе с другими артистами, несколько взволнованными, как происшедшим, так и предстоящим перераспределением ролей). Имейте в виду, что роль ассирийской невольницы... (ее слова теряются среди гула актеров, которые обступили режиссера с директором, отмахивающихся от них, как от назойливых мух, в тщетной попытке уединения. На первом плане сцены и у авансцены остаются лишь доктор Фреголи, актер на роли любовников, танцовщица-босоножка и комик.)

Танцовщица-босоножка (доктору Фреголи, на фоне несколько утихшего гула голосов). К кому я должна поступить в услужение? Расскажите, в чем наши обязан-

ности, наши роли. Я буду горничной, кухаркой, судомойкой?

Д-р Фреголи. Вы будете просто «веселой служанкой» (Ко всем). Это очень скучный дом, господа, куда я вас приглашаю жильцами... и ваша первая задача позаботиться, чтобы он стал другим.

Актер на роли любовников. Что это за дом?

Д-р Фреголи. Я говорю о меблированных комнатах некоей Петровой, Марьи Яковлевны, где требуется, так сказать, быстрая «театральная помощь». Один из жильцов уже пробовал повеситься. Дочь Марьи Яковлевны сохнет с каждым днем.

Комик. А в каких ролях должны мы выступить?

Д-р Фреголи. Я предлагаю вам роль доктора: — смех, как известно, лучшее лекарство, а ваше амплуа — «комик гротеск», неправда ли? К тому же директор говорил мне, что вы военный фельдшер по образованию.

Комик. Какого же врача я должен разыгрывать: военного, штатского, по нервным заболеваниям или по женским болезням?

Д-р Фреголи. Я думаю, лучше всего военного врача в отставке. Практики, скажете, нет, пенсия маленькая. Вообще прикиньтесь пришибленным судьбой, но далеко не унывающим. Каждый день по анекдоту за обедом, хорошо?—это мы даже отметим в контракте. Я сообщу вам потом все подробности (актеру на роли любовников). Вы же возьмете на себя роль Дон-Жуана, или, вернее, нежного Ромео, в образе скромного агента по страхованию имуществ. Бедны,

скромны, симпатичны и обольстительны для женского сердца...

Комик (актеру на роли любовников, иронически). Изображай самого себя и баста.

Д-р Фреголи (продолжая обращение к актеру на роли любовников). Надо создать иллюзию влюбленного для дочки этой самой Марьи Яковлевны и стать товарищем ее жильца—студента, которому нужна моральная поддержка. (Беря за руку танцовщицу-босоножку и ее мужа.) Кокетливая болтовня миловидной служанки и сердечность товарища, перед которым не боишься высказаться, снедаемый тоской, излечут, надо думать, окончательно «убежденного самоубийцу». Как видите, роли нетрудные, но ответственные... Сам я возьму на себя роль благодушного резонера в образе представителя фабрики граммофонных пластинок. Отныне моя фамилия Шмит, господа, запомните. (Все улыбаются.)

Танцовщица-босоножка. Скажите, господин Шмит...

Д-р Фреголи (подсказывает). Карл Иванович.

Танцовщица-босоножка (повторяет, улыбаясь). Карл Иванович, а почему на столь ответственные роли вы выбрали артистов захудалого провинциального театра, а не столичных, например, или...

Д-р Фреголи (мягко перебивая). Сподвижники Великого Учителя не спрашивали его, почему Он искал их в Галилее, а не в Иерусалиме.

Актер на роли любовников. Знаете, доктор, с сегодняшнего дня я верю гадалкам. Ей-Богу... А вы?

Д-р Фреголи. Смотря какая гадалка. (Труппа во главе с директором и режиссером возвращается на сцену.)

Директор (доктору Фреголи). Ну что, договорились? не изменяете своего выбора?

Д-р Фреголи. Остается только подписать контракты.

Директор. В таком случае пожалуйста ко мне в контору.

Д-р Фреголи (комику, актеру на роли любовников и его жене). Идемте, господа! (директор, доктор Фреголи, комик, актер на роли любовников и танцовщица-босоножка уходят направо.)

Режиссер (хлопая в ладоши). На места!.. Репетиция, продолжается. Я беру на себя роль Лукана, Ганецкий— Нерона, Степанов — Виниция, Горский — Вителия, а госпожа Шатрова—ассирийской невольницы. Музыка! Начинайте. (Музыка играет; изображавший Лукана занимает место Нерона, игравший Нерона возлегает на месте Виниция, игравший Тигеллина на месте Вителия, игравшая Нигидию становится на место танцовщицы-босоножки, а сам режиссер садится на место Лукана. Снова появляется раб с бутербродами на блюде, которые он снова то и дело тычет под нос Нерону и его сотрапезникам.)

Нерон (бывший «Лукан», читая по тетрадке). Это и есть заложница, в которую влюбился Виниций?

Петроний. Да, Цезарь, это она.

Нерон. Как зовут ее?

Петроний. Лигией.

Нерон. Виниций считает ее красивой?

Петроний. Да, но на твоем лице, несравненный знаток, я прочел уже приговор относительно ее: «слишком узка в бедрах».

Нерон. Верно! слишком узка в бедрах.

Лигия (режиссеру, указывая на партер театра). Опять там какие-то посторонние. Не опустить ли лучше занавес?

Режиссер (встает и вглядывается в зрительный зал). Да уж довольно мне публичных скандалов (кричит в кулисы). Опустите занавес. (Садится на место Лукана.)

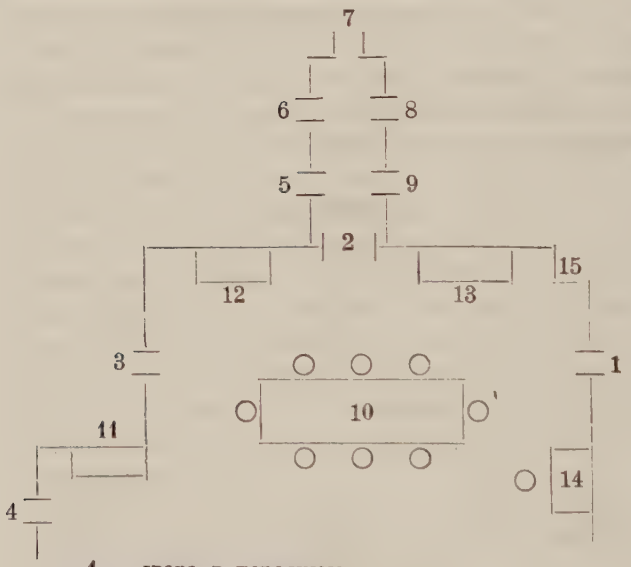
Поппея (шипит в сторону Лигии). Знает кошка, чье мясо съела, боится.

Режиссер (кричит). Занавес.

ЗАНАВЕС.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ.

План III и IV действий.



1. — дверь в переднюю.
2. — » » коридор.
3. — » » комнату хозяйки м. к. и ее дочери.
4. — » » » классной дамы.
5. — » » » Шмита.
6. — » » » комика.
7. — » » кухню.
8. — » » комнату актера на р. л.
9. — » » » чиновника и студента.
10. — обеденный стол.

11. — тахта.
12. — столик с граммофоном.
13. — буфет.
14. — столик с пишущей машиной.
15. — печка.

В меблированных комнатах Марьи Яковлевны. Большая столовая, посредине которой большой, обеденный стол, покрытый клеенкой. Вокруг стола 8 стульев. Налево выступ комнаты, перед которым уютная тахта. Направо у авансцены столик с пишущей машинкой под чехлом; перед ним стул. Дверь направо (№ 1 по плану) ведет в переднюю, дверь посредине (№ 2) в коридор, оканчивающийся дверью в кухню (№ 7); двери под №№ 5, 6, 8 и 9 ведут из коридора в комнаты, занимаемые Шмитом (№ 5), комиком (№ 6), актером на роли любовников (№ 8) и чиновником с сыном-студентом (№ 9). Дверь налево, в глубине столовой, ведет в комнату (№ 3), занимаемую Марьей Яковлевной и ее дочерью. Дверь налево же у авансцены (№ 4) ведет в комнату, занимаемую классной дамой. В правом углу изразцовая печка. Направо от средних дверей кнопка электрического звонка, далее буфет, в открытой части которого виднеется графин с водой, стакан, ваза для фруктов и прочее; налево от тех же дверей высокий столик с полочками, на котором красуется граммофон хорошей конструкции. Несколько картин на стенах наивного письма и содержания, лампа под большим абажуром, свешивающаяся с потолка, да пестренькие портьеры на дверях завершают убранство столовой. При поднятии занавеса на сцене танцовщица-босоножка и студент. Она моет пол, в прическе и платье служанки, подоткнутом достаточно высоко, чтобы обнаружить соблазн ее босых ног. Студент стоит, облокотившись с книгой о косяк дверей, ведущих в коридор, и не сводит глаз с гибкой фигуры кокетливой поломойки.

Студент (после долгого молчания, во время которого он ищет, повидимому, предмета для разговора). И как это у вас, Анюта, спина не заболит?

Танцовщица-босоножка (чуть-чуть простонародным говором). Ничего, наше дело привычное.

Студент. Ну все же от такой работы, я думаю, все тело потом ломит.

Танцовщица-босоножка. Какая эта работа... вот в деревне бывало так действительно... особливо, когда сенокос... В три часа ночи вставали и весь Божий день... не покладая рук...

Студент (помолчав). А у вас в деревне есть читальня?..

Танцовщица-босоножка. Не знаю, может есть теперь... при мне не было.

Студент. А вы охочи до книжек?

Танцовщица-босоножка. Смотря какая... Вот у батюшки нашего оченно хорошие были, мне евонная племянница показывала, — божественные, и уж так там хорошо описано, что и сказать нельзя... А у вас это какая книжка?

Студент. Римское право.

Танцовщица-босоножка. Божественная?

Студент. Юридическая (наливает в стакан воды из графина и пьет.)

Танцовщица-босоножка. Это что же, не русская значит.

Студент. Гм... Наполовину по-русски, наполовину по-латыни.

Танцовщица-босоножка. Ишь ты, что выдумают... А что это за латынь такая?

Студент. Это мертвый язык.

Танцовщица-босоножка. Мертвый... Ух, страсти какие! не дай Бог, если ночью приснится. (Слышен

продолжительный звонок. В коридоре показывается хозяйка меблированных комнат, вышедшая из кухни в переднике и с кастрюлькой, в которой она что-то размешивает.)

Хозяйка (подойдя к двери № 2, ведущей из коридора в столовую). Анюта! звонок! не слышите? Четвертый номер (уходит и останавливается в коридоре перед комнатой номер 8, прислушиваясь.)

Классная дама (худощавая, пожилая, с прилизанной прической и чертами лица, не внушающими симпатии, выходит рассерженная слева, из комнаты № 4, и, что называется, «набрасывается на прислугу»). Что вы оглохли, милая?

Танцовщица-босоножка. Надо же пол домыть.

Классная дама. Это надо делать в шесть часов утра, а не в одиннадцать.

Танцовщица-босоножка. Чтобы всех разбудить?

Классная дама... и не в воскресенье, а вчера, потому что полы моют по субботам.

Танцовщица-босоножка. Я и хотела вчера, но вы меня послали в аптеку за этим, как его...

Классная дама (перебивает сконфуженно-обозленная). Ну вы еще будете орать тут, за каким лекарством вас посылали, это всем надо знать... глупая девчонка. Ступайте скорее убрать мою комнату (танцовщица-босоножка забирает ведро с тряпкой и уходит в комнату № 4.)

Студент (наливает себе из графина воды). Вы бы того, знаете ли... утихомирились бы, а то с вашим характером ни одна порядочная прислуга здесь не уживается (пьет.)

Классная дама. «Порядочная»?.. это по вашему порядочная прислуга?

Хозяйка (появляясь в дверях № 2 с кастрюлькой, в которой она продолжает что-то размешивать). Что тут произошло?

Классная дама (студенту). Оттого, что девчонка вам приглянулась, от этого порядочной она не станет. И вообще не вам бы говорить о порядочности.

Студент (вспыхнув). Т.-е. как? почему?

Классная дама. А потому, что порядочный человек не поступает против законов божеских и человеческих. А раз вы возымели intention покончить жизнь самоубийством, да еще в чужом доме, где это могло всех обеспокоить, то c'est une chose bien doutable ваша порядочность.

Студент. Стало быть философ Гартман, покончивший самоубийством, был не порядочный по вашему?

Классная дама. Так то был Гартман.

Студент. Ну, а мистик Новалис, который проповедывал, что «действие истинно-философское это—самоубийство»?

Классная дама. Так то Новалис. Нашли с кем себя сравнивать!

Студент. Ах, по вашему Отто Вейнингеру можно лишить себя жизни, потому что это Отто Вейнингер, а я не смей и подумать об этом... (в это время танцовщица-босоножка проносит ведро из комнаты № 4 на кухню.)

Классная дама (прислуге). Вы бы еще выше подол подоткнули!.. деревенщина...

Студент. Что ж ей кринолин надевать с шлейфом, чтобы полы мыть?

Классная дама. Я говорю не с вами: Vous êtes ridicul mon cher в вашей роли защитника.

Ремингтонистка (входя слева из двери № 3 с деловою папкой в руках, в очень скромном, но изящном платье, причесанная «к лицу», с чуть-чуть подкрашенными губами, слегка подпудренная и вообще похорошевшая). Что случилось? (проходит к столику направо и снимает чехол с пишущей машины.) Вечно вы, Аглая Карповна, из-за пустяков скандал поднимаете (садится за работу.)

Классная дама. Ах, я же виновата... ну конечно...

Хозяйка. Бросьте, господа, охота в самом деле... (студент, махнув рукой, уходит в коридор и оттуда в комнату № 9.)

Ремингтонистка (перебивая мать). Анюта работящая прислуга, опрятная, приветливая, и вы напрасно на нее.

Классная дама. Ну, разумеется, чудесная прислуга. Как же вам ее не хвалить, когда она вас научила и чолку завивать, и пудриться, и губы подкрашивать, и... я не хочу говорить, но я все вижу, моя милая, все, все...

Ремингтонистка (весело и задорно). Поздравляю вас со шпионскими способностями. От души радуюсь за вас, тем более, я в таком хорошем настроении духа, что на все ваши придирки мне, ей-Богу, наплевать (щелкает на машинке.)

Классная дама. «Наплевать»?.. Элегантное выраженье.. Этому вы тоже у Анюты научились. (Хозяйке)

Хорошему влиянию поддается ваша дочка, нечего сказать. (Танцовщица-босоножка возвращается к этому моменту из кухни в № 4 со спущенным подолом и обутая, держа щетку и пыльную тряпку в руках.)

Хозяйка. Простите, Аглая Карповна, но право вы напрасно себя этак расстраиваете... Анюта мало того, что хорошая девушка, а, скажу больше: она приносит счастье... хотите смейтесь, хотите нет, но за этот месяц, что она живет у нас, ну словно солнышко нас озаряет...

Классная дама (со злой иронией). Только не меня, Марья Яковлевна. Только не меня. Je vous demande mill pardons, но мне такого солнышка не надо. Я воспитывалась под другими лучами и ценю только лучи просвещения, а не невежества. И вообще я не суеверна, к гадалкам не хожу, предсказаньям их не верю, и всю эту чепуху вроде того, что кто-то «приносит счастье», «озаряет, как солнышко» и т. п. я ни в грош не ставлю.

Хозяйка. Однако, помилуйте, все, что эта гадалка предсказала, исполнилось как по писанному.

Классная дама. Ваше воображение.

Хозяйка. Как так «воображение»? Предсказала хороших жильцов — и они явились, предсказала, что здоровье Лидочки поправится (показывает на дочь) и действительно: она совсем теперь ночью не капляет, аппетит улучшился, глаза повеселели и даже как будто пополнела немного, предсказала, что Федя бросит свою меланхолию, и действительно...

Классная дама (договаривая)... бросил свою меланхолию и завел интрижку с горничной... Похвально, очень похвально.

Ремингтонистка. Мама, охота тебе спорить!.. Я не понимаю только одного: если Аглае Карповне так у нас не нравится, почему бы ей не переехать отсюда? Мы ведь силой не держим (слышен звонок из передней.)

Классная дама. Да будет вам известно, сударыня, что когда ваша мать нуждалась в деньгах на ваше же леченье, я, не задумываясь, оплатила свою комнату за пять месяцев вперед. А потому j'y suis—j'y reste (круто поворачивается и чопорно удаляется в свою комнату № 4, но на пороге сталкивается—и прекомично—со служанкой). Что вы ослепли, милая! Чуть с ног меня не сбила, косолапая! словно все сговорились, чтоб меня извести. Но посмотрим, чья возьмет, посмотрим (уходит, хлопнув дверью, в то время, как танцовщица-босоножка бежит в переднюю, фыркая со-смеха в передник.)

Хозяйка. Ну и характерец, прости Господи, и как такую классную даму в гимназию приняли, одному Богу известно (заглядывает в переднюю.)

Ремингтонистка. Ее иначе и не зовут там, как «мегерой».

Хозяйка (в сторону передней). А-а.. Николай Савельич и Семен Аркадьевич! от обедни?.. устали?.. много народу было? Хотела было тоже пойти помолиться, да вот по хозяйству все...

Чиновник в отставке (входит в это время с комиком из передней, т.-е. из комнаты № 1 и здоровается.

Комик с седоватой щетиной над верхней губой, пенсне с голубыми стеклами на черной тесемке и в форменной тужурке военного образца, входит, чуть-чуть поддерживая «под локоток» старого чиновника, и здоровается с дамами во вторую очередь. Здравствуйте... здравствуйте. Вот вам... о вашем здравии... (передает хозяйке просвиру.)

Хозяйка (кланяется ему и целует просвиру. Благодарствуйте...

Комик (танцовщице-босоножке, появившейся в дверях из передней). Анюта, милая, оботри мои галоши хорошенько, — грязь непролазная. (Танцовщица-босоножка возвращается в переднюю. Комик становится за спиной ремингтонистки и следит за ее работой.)

Чиновник. Что Федя встал уже?

Хозяйка. Встал, встал...

Чиновник. Всю ночь римское право зубрил... даже жаль мальчёнка... (встает). Пойду его проведать (уходит через коридор в дверь № 9, а хозяйка за ним следом на кухню.)

Комик. Шмит дома?

Ремингтонистка. Ушел в магазин.

Комик. Да ведь сегодня праздник!

Ремингтонистка. Вчера новая партия пластинок пришла.

Комик. Ах да, он говорил, не успели распаковать еще... А Виктор Антоныч встал?

Ремингтонистка. Нет еще...

Комик. Вот заспался!

Ремингтонистка. Он вчера очень поздно вернулся... у них было заседание в Страховом Обществе.

Комик. Вздор. кутил должно быть (спохватывается), т.-е. не то, чтобы пьянствовал...

Рейнгтонистка (вспыхнув). Он... пьющий?.. Семен Аркадьевич, родной мой, скажите, он пьющий?

Комик (ухмыляясь лукаво). Однако я не знал, что его здоровье вас так интересует...

Рейнгтонистка (сильно покраснев). Вовсе нет... я просто... по-человечески...

Комик. Знаю, что не по-звериному.

Рейнгтонистка. Нет, вы меня не поняли.

Комик. Вас то?.. т.-е. вот как понял (таинственно-пагло), лучше сознавайтесь.

Рейнгтонистка (с застенчивой отвагой). Ну а коли поняли, так скажите, — вы опытный человек, — что значит, когда мужчина, здороваясь или прощаясь, руку немножко задерживает?..

Комик. Ну кто же этого не знает? Первый признак, что влюблен человек.

Рейнгтонистка (едва веря своим ушам). Вы... шутите?..

Комик. Нисколько. Покажите, как он «задерживает» (берет ее правую руку). Вот так (показывает задержку рукопожатия.)

Рейнгтонистка. Да... да... вот так...

Комик (безапелляционно). Влюблен. Голову даю на отсечение, что влюблен.

Хозяйка (появившись в коридоре все с той же кастрюлей). Лида, милая, помоги мне на кухне. Рука онемела вертеть... (комику). Зато таким обедом вас сегодня угощу, что пальчики оближете.

Комик. И водочка будет?

Хозяйка. Ишь, чего захотели.

Комик (ноет). Марья Яковлевна, благодетельница.

Хозяйка (смеется). Ну там видно будет... Лида, идем. (Только что Лида встала, чтоб итти на кухню, как из коридора появляется актер на роли любовников, просто, но несколько фатовато одетый, в несколько измененной прическе и с пробивающимися усиками.) А, Виктор Антонович!.. Наконец-то. А уж мы думали, — вы не проснетесь... (Актер на роли любовников целует «ручку» у мамаши и несколько задерживает в своей руке руку дочери.)

Актер на роли любовников (здороваясь с ней). Доброе утро.

Комик. Какое там «утро», уж обедать пора.

Актер на роли любовников (дочери). Отчего у вас такие холодные ручки?

Комик. Сердце горячее — хе, хе, хе (Хозяйка с дочерью уходят на кухню. Комик с актером на роли любовников провожают их глазами, после чего комик трафаретно-фарсовым жестом тычет пальцем в живого «любовника» и оба смеются.)

Танцовщица-босоножка (появляясь из передней). Тише, дурачье! что вы хотите подозрение навлечь?

Комик. Подозрение? Вот выдумала. Чтоб у таких простофилей подозрение явилось? да их вокруг пальца окрутишь, они и того не заметят.

Танцовщица-босоножка (оглядывается). Вот что я хотела сказать, дорогой мой (обращается к комику), если вы, пользуясь моим положением, будете застав-

влять меня по два раза в день галоши ваши чистить, сапоги и т. п., то я...

Актер на роли любовников (комику). Да уж это, братец мой, не по-товарищески.

Комик. Что не по-товарищески? а кто же мне чистить будет, сам?

Актер на роли любовников. Я сам себе чищу.

Комик. Вот этим, голубчик, и навлечешь на себя подозрение, и верней не на себя, а на нее. «Принцесса» — скажут, белоручка, почему ей самой не дают чистить?

Танцовщица-босоножка. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю...

Комик. О чем, золото мое?

Танцовщица-босоножка. А о том, что вы нарочно, да, очень часто совсем нарочно, ни к селу ни к городу отягчаете меня работой. Я ведь знаю ваш подленький характер.

Комик. Да ведь вы же, голубушка, в этой роли, что называется, «как сыр в масле катаетесь». Я думал, вам это одно удовольствие.

Танцовщица-босоножка. Я и не скрываю, что мне нравится роль, в которой я могу реально, а не эфемерно приносить пользу другим. Я всегда была по натуре подвижницей. Но это мелочно, дорогой мой, мелочно и грубо то, что вы порой заставляете меня продельвать.

Актер на роли любовников. Да, да, мой друг, ты забываешь порою, кто она для меня. Ты слишком входишь в роль... Обрадовался, что нет суфлера, и

такие «отсебятины» порой отпускаешь, что вчуже неловко становится. Надо знать меру...

Комик. Ах, господа, и так тошно, а тут еще вы нападаете... (любовнику). Тебе хорошо говорить: живешь здесь словно барин, жена под рукой (показывает на босоножку), ешь, пьешь, гуляешь и флиртуешь с дочкой. Работа не ахти какая. А вот мне каково, жить на положении полушута, полунахлебника, няньчиться с этим выжившим из ума стариком, ухаживать за этой ведьмой классной дамой (оборачивается на дверь № 4), умиротворяя ее анекдотами, в которых даже слово «подвязка» запрещается, как неприличное, парле-франсе и чорта в ступе.

Танцовщица-босоножка. Ну положим, если б вы не знали, что эта скряга скопила себе капитальчик, вы бы не старались так.

Актер на роли любовников (комику). К тому же ты получаешь почти вдвое больше, чем мы.

Комик. Вдвое больше? да тут нужны горы золота, чтоб компенсировать.

Танцовщица-босоножка. Вы всегда всем недовольны.

Комик. Я не подвижник. Вы понимаете? (Похлопывая себя по толстому животу.) Я не подвижник.

Актер на роли любовников (смеясь). Оно и видно.

Комик... и если этому сумасброду д-ру Фреголи угодно благодетельствовать всяким кретинам за счет бедных (ударяет себя в грудь) честных актеров, 20 лет прослуживших святому искусству, то надобно платить не гроши, а...

Актер на роли любовников (смеясь) Ну, уж и гроши.
Танцовщица-босоножка. Вы прямо ненасытны. } Вместе.

Комик. Да что вы, господа! влезьте в мою шкуру! Нанимаешь шута, так и плати ему по-царски. Я ведь читал, как раньше содержали шутов! — во-первых, царский стол, а не здешние харчи, от которых я скоро исхудаю как щепка (любовн. и танц.-бос. смеются), а затем...

Актер на роли любовников. Так ходи в ресторан, кто тебе запрещает!

Комик (перебивая). Не могу: по контракту я должен здесь харчеваться (вынимает из кармана и кладет на стол контракт с бумажником и какую-то брошюру). Вот, смотри.. Это ты здесь на ролях вольной пташки — «агент страхового общества», фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, а я, брат, прямо как крепостной здесь.

Танцовщица-босоножка (заметив сотрясение двери № 4). Тсс... осторожней (подходит к буфету, открывает его и перебирает посуду, звеня ею и делая вид, что ее прибирает).

Классная дама (появившись на пороге двери № 4, ласковым голосом). Семен Аркадьевич?.. Вы уже вернулись...

Комик (прячет впопыхах контракт и бумажник в карман, в то время, как брошюру схватывает актер на р. л). Аглая Карповна... (подбегает к классной даме и раскланивается). Бонжур... Коман аллеву. Здоровьице как?

Классная дама (здороваясь). Неважно... Опять плохо спала... Хотела снова с вами посоветоваться... (Танц.-бос. накрывает стол скатертью).

Комик. К вашим услугам... Мой долг врача... Так сказать — страдание ближнего... А что касается вас, то приятный долг... можно сказать даже приятнейший...

Классная дама (улыбаясь). Ну уж вы известный комплиментщик... Зайдите ко мне на минутку... (уходит к себе.)

Комик. С величайшим... (уходит за ней).

Танцовщица-босоножка (после их ухода). Как бы он ее на тот свет не спровадил.

Актер на роли любовников. Д-р Фреголи контролирует, не бойся.

Танцовщица-босоножка. Да за таким не уследишь. Что это он за книжку оставил?

Актер на роли любовников (читает название брошюры). «Сборник остроумных и забавных анекдотов»... (смеется). Вот где, оказывается, хранилище его «неистощимого юмора» (в дверях кухни, в конце коридора, показывается ремингтонистка).

Ремингтонистка (стоя в открытых дверях кухни, обращается к матери, которой не видно). Хорошо, мамочка, хорошо.. что ты говоришь? (Она возвращается на кухню.)

Танцовщица-босоножка (тихо впопыхах). Барышня... тише...

Актер на роли любовников. Великолепно... (прячет брошюру в карман). Сейчас мне предстоит форменное

объяснение в любви. Д-р Фреголи сказал, что пора. Целый месяц готовился...

Танцовщица-босоножка. Только не увлекайся, пожалуйста.

Актер на роли любовников (смеется). То-есть как это «не увлекайся»?... Как добросовестный актер я обязан играть с увлечением.

Танцовщица-босоножка. Ты меня отлично понимаешь.

Актер на роли любовников. Послушай, твоя ревность просто смешна... Я же не ревную тебя к этому студенту?

Танцовщица-босоножка. Еще бы этого не доставало.

Дочь (выходя из кухни). Анюта! Мама зовет.

Актер на роли любовников. Ступай.

Танцовщица-босоножка (кричит). Иду (мужу.) Смотри же (убегает на кухню).

Ремингтонистка (входя). Ну что же, будете сегодня брать урок на пишущей машинке? (Садится к своему столику.)

Актер на роли любовников. Непременно... Вы так чудесно показываете... У нас на службе все, кроме меня, умеют. И так быстро, знаете ли... а я со своим почерком — просто беда...

Ремингтонистка. Так садитесь, не теряя времени. До обеда успеем.

Актер на роли любовников. Великолепно (берет стул и присаживается к столику). Сегодня пятый урок?

Ремингтонистка. Четвертый.

Актер на роли любовников. Совершенно верно.

Ремингтонистка (преподает). Ваш главный недостаток—неумение пользоваться клавишами препинания. Их надо ударять легко, легко, иначе они пробивают бумагу и оставляют следы на валике. Кроме того клавиши «верхний регистр», вы это всегда забываете, надо нажимать вплотную до низу. А не то и заглавные буквы и цифры выйдут выше малых букв (щелкает на машинке). Поняли?.. (встает). Напишите сначала ряд слов, разделенных запятыми... только не путая и не пропуская.

Актер на роли любовников. Слушаюсь. (Он садится на ее место и пишет.)

Ремингтонистка (в то время, как он пишет). Так... что же вы задумались?.. Не путайте пальцев: мизинец правой руки может брать только э,з,х,д,ж,ю, и ни буквы больше... Надобно, чтоб это делалось автоматично... в этом вся суть...

Актер на роли любовников (встает). Готово.

Ремингтонистка (садится к машинке, читает) Когда... запятая... вы... запятая... пишите... я... пропустили... всегда... запятая... любуюсь... вашими ручками (она немного краснеет). Так... недурно... Только вы слишком долго ищете клавишу, а надо автоматично. Вот так. (Садится, быстро пишет и встает.)

Актер на роли любовников (присаживается и читает). «Я не люблю комплиментов... и если вы смеетесь надо мной, Бог вас накажет, потому что я и так несчастна»... (ей) Разрешите мне еще раз попробовать.

Ремингтонистка. Хорошо, только возьмите теперь точки вместо запятых.

Актер на роли любовников. Слушаюсь (пишет. Она следит за ним горящими глазами, неровно дыша. Входит танцовщица-босоножка, достает из буфета салатник и блюдо, ревниво озирается на парочку и уходит на кухню). Вот, написал. Хорошо?

Ремингтонистка (читает). «Я враг комплиментов. Правда, искренность и доброта—главное, что я ценю в человеке. В вас я нашел эти качества и потому вы для меня выше и милее тысячи бездушных кукол»... (смеется, смущенная, стараясь не выдать себя). Хорошо... Почти без ошибок... Но где же точки после каждого слова?

Актер на роли любовников (значительно и вкрадчиво). Точки в конце... многоточие... (Берет ее за руку.) Разве это не одно и то же? (Входит танцовщица-босоножка и начинает сервировать стол к обеду: берет из буфета тарелки, стаканы и проч. и ставит их на стол. Актер на роли любовников откашливается, как бы давая ей понять, что присутствие прислуги стеснительно.)

Ремингтонистка (тихо). Я вам отвечу. (Пишет на машинке.) Вот...

Актер на роли любовников (читает). «Я боюсь вам верить. Вы...»

Ремингтонистка (перебивая). Тсс... тихо! про себя... (Актер на роли любовников читает про себя. Она же откашливается, слегка обернувшись в сторону прислуги.)

Танцовщица-босоножка. Что это, барышня, опять стали кашлять? Не принести ли ваших капель от кашля?

Ремингтонистка. Да, да, пожалуйста! (Танцовщица-босоножка уходит в дверь № 3.)

Актер на роли любовников (прочитав, встает). Лидия Федоровна, на ваш вопрос я могу ответить только одним словом, но в этом слове заключено все сокровенное моего сердца (пишет, стоя, две буквы).

Ремингтонистка (читает). «Да»... (Пауза. Тихо, задыхаясь, не веря.) Да?

Актер на роли любовников (ласково, внушительно). Да! и если вы меня хорошо узнаете, то вы не будете в этом сомневаться.

Ремингтонистка (вынимает дрожащими руками бумагу из машины). Я... я боюсь верить вам... я... не знаю, я... (прижимает вынутую из машины бумагу к губам и смотрит, подняв судорожно плечи, в пространство широко раскрытыми глазами, полными слез).

Актер на роли любовников после паузы, перепитательно). Вы должны мне верить... Слышите?.. (берет ее за руки и опустив их вниз, целует ее). (На пороге двери № 3 появляется танцовщица-босоножка с пузырьком лекарства; она останавливается, как вкопанная. Актер на роли любовников быстро покидает столовую и скрывается у себя за дверью № 8. Ремингтонистка, едва веря случившемуся, бессильно опускается на стул.)

Танцовщица-босоножка (подойдя к ней, сперва растерянная, потом овладев собою). Вот ваши капли... (ставит на ее стол пузырек). Прикажете воды?..

Рейнгтонистка. Нет, не надо... спасибо... не надо... (судорожно прячет исписанную на машинке бумажку у себя на груди, пытается еще что-то сказать горничной, но не выдерживает и, упав головой на руки, протянувшиеся было к пишущей машинке, всхлипывает, как девочка).

Хозяйка (входит из кухни, чтобы что-то взять из буфета, и замечает плачущую дочь). Лида... что с тобой?... Лида... (к горничной). Что с нею?

Танцовщица-босоножка. Не могу знать, барыня... я предложила воды, только барышня отказываются... так что...

Хозяйка. Боже мой!.. Лида... (горничной) ступайте на кухню!.. присмотрите за жарким... (Танцовщица-босоножка уходит.) Лида... Что с тобой? (целует ее, ужасно взволнованная).

Рейнгтонистка. Мамочка... милая... милая мамочка... Побей меня, огорчи меня,—мне слишком хорошо... (смеется сквозь слезы и душит мать в своих объятиях).

Хозяйка. Вот тебе раз... Ой, задушишь, сумасшедшая! (Слышны голоса за дверью № 4. Рейнгтонистка опрометью убегает к себе в № 3. Мать разводит руками и следует за дочерью.)

Комик (входя вместе с классной дамой из комнаты № 4). Вы совершенно правы: главное дело режим. Режим, диэта и моцион—это так сказать три кита, на которых зиждется мир нашего здоровья. А ту микстуру, которую я вам прописал, вы можете не принимать в дальнейшем:—я хотел только испытать ваш организм.

Раз организм не переносит этой микстуры, мы стало быть имеем дело с чисто нервным недомоганьем. In corpore sano mens sana!

Классная дама (обращает внимание комика на коридор, куда вышел, направляясь в кухню, студент). Смотрите, доктор, смотрите,—наш самоубийца опять пошел на кухню «просвещать» народ.

Комик. Демократ, чорт побери! с этим приходится мириться, раз в доме завелась смазливая служанка.

Классная дама. Прибавьте—в семейном доме. А вы заметили, доктор, как он часто пьет воду в последнее время? Говорят, это первый признак любовного жара... Будто кто влюблен—я так слышала—тот много пьет...

Комик. Воды?.. В первый раз слышу. Водки может быть?

Классная дама. Нет, именно воды.

Комик. Вы в этом уверены? В таком случае... (подходит к буфету, наливает в стакан воды, поднимает его как бы в честь своей собеседницы и осушает залпом).

Классная дама (зардевшись). Ах, коварный шутник! Я слишком умна, чтобы принять это за чистую монету.

Комик. Слишком умны? Ну значит прав был Грибоедов.

Классная дама. В каком смысле?

Комик. В смысле «Горе от ума».

Классная дама. Горе от ума?

Комик. Да-с, я терплю горе от вашего ума, раз вы не принимаете за чистую монету мое чистое к вам чувство. Мне только кажется, что тот, кто нежно

любит, должен пить не воду—это звучит слишком грубо,—а во-до-чку, это звучит гораздо нежнее.

Хозяйка (входя радостно из комнаты № 3). Сейчас, сейчас... И обед и водочка будет... Уж так и быть. Выпейте на радостях. Я не знаю только, как нам быть с господином Шмитом (подходит к буфету). Он всегда был такой аккуратный, а сегодня (в дверях появляется актер на роли любовников и студент, весело перешептывающиеся по поводу брошюры комика, которую актер одалживает студенту). Федя, позовите батюшку к обеду. (Ставит графин с водкой и бутылку вина, которые она игриво извлекает из глубины буфета. Студент уходит в комнату № 9. Актер на роли любовников выходит на авансцену; к нему подходит комик, рывшийся перед этим в боковом кармане тужурки.)

Комик (конфиденциально). Где моя книжка?

Актер на роли любовников. Какая?

Комик. Анекдоты.

Актер на роли любовников. Какие?

Комик. Не строй дурака. Сам взял да еще притворяется (из комнаты № 3 выходит дочь, нарядившаяся в другое платье, успокоившаяся и жизнерадостная. К ней подходит классная дама; слышен вопрос: «ну что, успокоились?». Ответ: «как видите». И замечание: «ну, слава Богу». Классная дама садится за стол, счистив брезгливо пыль со стула и вытерев салфеткой тарелку. Дочь помогает матери в предобеденных хлопотах).

Актер на роли любовников [1]. А—ты об этой ерунде? Я дал ее студенту; а то Римское право его мало забавляет, так вот я...

Комик. Ты с ума сошел! мне надо сейчас вспомнить анекдот для обеда, а он другому отдает; забыл, что ли, что я по контракту обязан...

Актер на роли любовников ...свежие анекдоты ежедневно поставлять? — помню. Но ведь это все старье в твоей книжонке. Прошлогоднее издание. (Слышен звонок. Горничная бежит в переднюю.

Комик. Какое тебе дело?! (входит чиновник со студентом и садится за стол).

Актер на роли любовников. А, нет, брат, раз ты по контракту требуешь, чтоб «Анюта» сапоги тебе чистила, так позволь и мне по контракту требовать, чтобы ты свежие, а не прошлогодние анекдоты рассказывал.

Комик (ядовито). Ты хочешь меня подвести?! Берегись, мой друг, как бы я тебя не подвел, идеалист несчастный [1], (отходит к дверям передней и, заглянув в нее, бежит чуть не вприпрыжку к граммофону с напускно-веселым криком). Господин Шмит пришел. Играй же музыка!.. надо «поставить», встречный марш! (Ставит пластинку на граммофонное плато.

Хозяйка. А!.. наконец-то, а мы уж думали...

Реминтонистка. Карл Иваныч? ну вот, теперь все в сборе.

Актер. Вот это я называю аккуратностью... Молодец, сей-Богу, прямо к обеду... Граммофон играет развеселый, трескучий марш. Шмит.—он же доктор Фре-

[1]) Этот диалог второстепенного значения, но он не может быть купирован режиссурой, способной видеть в этом диалоге любовника с комиком заполняющий «фон» для выходов дочери, чиновника и студента.

голи — входит, маршируя, из передней, т.-е. из двери № 1, держа правую руку как бы к козырьку, а левую, в которой круглый сверток граммофонных пластинок, к сердцу; его внешность немного изменилась: волосы завиты красивыми кольцами, на щеках отпущены небольшие баки, на носу золотое пенсне, одет в куртку венгерского покроя. Он весело обходит всех присутствующих и здоровается, начиная с дам, даря каждого улыбкой и дружеским приветствием. Вслед за ним входит танц.-бос. с пакетом, завернутым в газетную бумагу; она его распаковывает у буфета, обнаруживая конфекты и фрукты; торопливо раскладывает их в стеклянные вазы и уже готова смять газету, служившую оберткой пакета, как вдруг на последней странице что-то привлекает ее внимание и она неожиданно для себя зачитывается).

Актер на роли любовников (здороваясь задорно-весело на авансцене со Шмитом). Привет достопочтенному представителю Чикагской фабрики граммофонных пластинок! Да здравствуют Эдиссон и Шмит, его ревностный популяризатор!

Шмит. Привет высокочтимому агенту всеславнейшего страхового общества «Двойной Саламандры» (шутливо-церемонное рукопожатие).

Актер на роли любовников (показывая на круглый сверток). Сюрприз?

Шмит (похлопывая по свертку). Отборнейшего качества.

Актер на роли любовников (конфиденто отводя его в правый угол авансцены). У меня тоже сюрприз.

Не хотел говорить до поры до времени. (Классная дама, зажав уши и натянуто улыбаясь, подходит к граммофону и, остановив музыку, которая повидимому пришлась ей не по вкусу, возвращается на свое место.)

Шмит. Что такое?

Актер на роли любовников. Вчера я получил письмо от этой гадалки. Сверхъестественно!

Шмит. Что же она предсказывает?

Актер на роли любовников. Клянётесь, что никому не выдадите?

Шмит. Клянусь.

Актер на роли любовников. Гадалка сообщает... да вот прочтите... (дает ему письмо).

Шмит (читает вполголоса)... гм... «гадала на кофейной гуще... золотые маковки Москвы... она там. На блюдце с алфавитом вышла фамилия Белкина Зинаида»...

Актер на роли любовников (восторженно, едва сдерживаясь, чтобы не закричать). Третья жена найдена! Вы понимаете... я теперь близок к цели... (Идут к столу.)

Комик (подскакивая к горничной). Чем это она зачиталась! (Реминтонистка, взяв у Шмита сверток, кладет его на граммофонную подставку).

Хозяйка (горничной). Скорей пирог несите (садится за стол).

Комик (вырывает у горничной газету) Аттанде-с! дозвольте взглянуть... (горничная уходит. Комик зачитывается какой-то статьею, помещенной на последней странице газеты.)

Ремингтонистка (за столом). Ну чем вас угощать, господа? (актеру на роли любовников.) Хотите водки?

Актер на роли любовников. Нет, спасибо.

Ремингтонистка. А мне сказали, что вы пьющий.

Актер на роли любовников (смеясь). Ну, в таком случае налейте.

Ремингтонистка (Шмиту). А вам?

Шмит. Никогда не отстаю от компании. (Ремингтонистка наливает им, они чокаются и пьют. Горничная приносит пирог. Мать всем раскладывает, горничная обносит.)

Классная дама (Шмиту). Даже если это скверная компания?

Шмит. Я в скверной компании не бываю.

Классная дама (как бы показывая глазами на сидящих за столом). А вот мне приходится.

Шмит. Жалею вас в таком случае.

Актер на роли любовников (вставая). Ну теперь этот зачитался. (Идет к комику.) Что такое? даже водку оставил. (Комик ему показывает на статью; они вместе читают.)

Классная дама (не отставая от Шмита). А вы всегда можете определить, какая компания плохая, а какая хорошая?

Шмит (с лаской и блеском хорошо отточенной бритвы). К чему, сударыня, раз всегда в моей власти помочь плохой компании обратиться в хорошую?

Классная дама. Но стоит ли пачкаться!—себе дороже.

Шмит. Садовник не брезгает навозом, выращивая розы.

Классная дама. Софизм.

Шмит. Вы думаете? (Что-то шепчет ей на ухо, она жеманно смеется.)

Комик (актеру на роли любовников, тыкая пальцами в газету, растроганным голосом). Меня вспомнили.. жалеют...

Актер на роли любовников (читает). «Приходится от души пожалеть об уходе из труппы талантливого комика Дерябина, который несомненно скрасил бы своим участием бездарную постановку Квовадиса, этого бессмертного произведения Сенкевича, чье перо»...

Комик. Ну там дальше неинтересно (актеру на роли любовников и подошедшей горничной). Эх, господа, соскучился я по аплодисментам, ей-Богу, не знаю, как вы, а я соскучился.

Танцовщица-босоножка. Тсс...

Шмит (подходя к ним). Да что это за несчастную газету мне подсунули, как обертку?

Хозяйка (перебивая). Анюта! Несите суп (горничная убегает на кухню).

Актер на роли любовников. Старая рецензия... «Quo vadis» провалился несмотря на бенефис. (Шмит читает.) И как это мы пропустили?

Рейнгтонистка. Позвольте полюбопытствовать, господа, чем это вы так увлеклись. (Горничная приносит суп.)

Хозяйка (кричит укоризненно). Господа, суп простынет (покинувшие стол возвращаются на свои места).

Шмит (дочери). Чепуха... бездарная рецензия о бездарном спектакле, поставленном бездарным режис-

сером в бенефис бездарного актера (комкает газету). Право, лавочник, завернувший мне товар в эту макулатуру, сделал из нее лучшее употребление, чем вы, господа (похлопывает по плечу актера на роли любовников), сознайтесь!..

Комик (полувызывающе). Я с вами не согласен...

Шмит. Тем хуже для вас.

Комик. Вы думаете? (Со злобой, плохо скрытой шутливым тоном). А знаете ли, чем хуже будет для меня, тем хуже будет для вас.

Шмит. Я вас не понимаю.

Комик. Ха-ха... могу повторить ваши же слова: тем хуже для вас, если не понимаете.

Шмит. Вы говорите загадки, тогда как, если я не ошибаюсь, вам полагается за супом рассказывать анекдоты.

Реминтонистка. Да, да, расскажите анекдот, Семен Аркадьич, милый!..

Актер на роли любовников. Да, доктор, за вами анекдот!.. новый анекдот! Доктор сам обещал каждый день по новому. Мы вас слушаем, «кладезь неистощимого юмора».

Шмит (стучит ножом по тарелке). Тише, господа. Доктор, начинайте.

Комик. Гм... (откашливается). Один еврей... Гм...

Актер на роли любовников. Так-с—один еврей, а не два.

Реминтонистка. Не мешайте...

Комик... ехал в вагоне без билета и на вопрос кондуктора...

Актер на роли любовников. Это вы позавчера рассказывали (горничная прыскает со смеху, видя затруднительное положение комика).

Комик. Ах, я уже рассказывал? В таком случае, гм... Позвольте-с (припоминает).

Шмит. Мы слушаем.

Комик (выпивает рюмку водки). Гм... Одна дамочка, очень хорошенькая, почувствовав, что она того, гм... в интересном положении...

Актер на роли любовников. Остановитесь, доктор! здесь девицы... неудобно. Мы не в холостой компании.

Комик. Вы же не знаете продолжения?

Актер на роли любовников. Знаем, знаем, какое бывает продолжение при «интересном положении».

Хозяйка. Нет, уж лучше что-нибудь другое... Анюта, убирайте, милая! (Горничная убирает тарелки и уносит на кухню).

Комик (храбрится). Хорошо. Другое так другое. Денщик одного офицера — это еще было при Николае Первом — наливает себе рюмку водки и говорит, «венчается раб Божий Иван с рабой Божьей рюмкой: препятствий нет? Никак нет». Выпивает одним духом как ни в чем не бывало, а в это время откуда ни возьмись офицер. Денщик так и опешил. Берет офицер розгу и говорит: «венчается раб Божий Иван с рабой Божией розгой. Препятствий нет?». «Точно так, ваше благородие, отвечает денщик, — жених не согласен» (Присутствующие, за исключением актера на роли любовников, студента и Шмита, принужденно смеются).

Актер на роли любовников. Ну и старина же ваш анекдотик! Постыдились бы.

Студент (поддерживая). И неостроумно.

Классная дама. Нет, остроумно. Молодец денщик! Находчивый. Браво! Раньше и старших боялись и остроумием в ответах отличались, не то, что нынешние.

Комик (поощренный). «Жених не согласен»... каково?.. хе, хе... Слышите, Лидия Федоровна, случается и так, что жених бывает не согласен. Как вы на это смотрите?

Ремингтонистка (сконфуженно). У меня нет жениха.. так чего же мне смотреть, я вас не понимаю.

Комик. А помните наш разговор давеча?

Ремингтонистка. Ну так что же?

Комик. А то, что (напевает из «Фауста» Гуно тему Мефистофеля) «мой совет до обрученья не целуй его. Ха, ха, ха, ха,... ха, ха, ха, ха!».

Шмит. Однако, Мария Яковлевна, и крепкая же водка у вас. От нее начинают не только петь, но и говорить совсем «из другой оперы».

Комик (ремингтонистке). Так у вас нет жениха... жаль. А то я собрался уж выпить «за здоровье того, кто любит кого».

Актер на роли любовников (приподнимаясь). В таком случае позвольте выпить (к нему) за ваше здоровье и (классной даме) за ваше.

Классная дама (скандализованная, но польщенная). Mais vous êtes fou mon cher, у вас и в самом деле, Марья Яковлевна, слишком крепкая водка! (горничная

приносит жаркое, мать его раскладывает на тарелки, горничная обносит).

Чиновник (встает). Охотно и от всего сердца поднимаю бокал за того, кто скрасил своим пребыванием здесь мой старческий досуг, кому не лень и поболтать со мной и в горелках утешить, и в шахматы побаловаться, и в баню компанию составить. Ангельское сердце!.. я пью за ангельское сердце, за нашего благороднейшего, добрейшей души человека и жильца здешнего, врача и целителя душ человеческих, за Семена Аркадиевича, пошли ему Бог всяческого благополучия! (чокается с комиком при аплодисментах классной дамы, хозяйки, ее дочерн и Шмита).

Комик (растроганный, встает и что называется «лезет» целоваться с чиновником). Польщен, ей-Богу польщен!.. не заслужил, хоть и стараюсь заслужить... Господа!.. (поднимает бокал) я тронут... наконец-то в этом доме я услыхал аплодисменты!!! дрожу-с, дрожу, как старый боевой конь, услышавший звуки сигнала. (Шмит громко и многозначительно откашливается). Виноват, зарапортовался... Это со мной часто бывает (в то время, как ремингтонистка повернулась к комику со своим бокалом, положив на стол салфетку, последнюю схватывает классная дама и пристально ее рассматривает).

Ремингтонистка (классной даме). Простите, это моя салфетка!.. вы перепутали.

Классная дама Знаю, что ваша. Но чем это она у вас запачкана?

Ремингтонистка. Отдайте пожалуйста.

Классная дама. Красное, пре-красное... Ба! ла, это губная помада такая. Губки подкрашивать изволите?

Ремингтонистка. Какое вам дело? (Отбирает салфетку).

Классная дама. Ну, можно ли так краситься? Я же вам говорила. Это смешно, ma chere, а главное неестественно. Стыдитесь.

Ремингтонистка (жалкая в своем конфузе, слезливо моргая глазами). У меня губы трескаются.

Классная дама. Поэтому их надо подкрашивать. Сколько раз я вам объясняла, что хорошо только то, что естественно. Вы вообще стали какая-то ненатуральная за последнее время.

Хозяйка. Полноте, Аглая Карповна, охота вам...

Классная дама (перебивая). Да, но если вы не будите, как мать, то люди могут осудить, как посторонние.

Шмит. Я не осужу (пауза. Все вопросительно смотрят на него). Я люблю неестественность и ценю ее от всей души, когда она скрашивает нашу жизнь.

Классная дама. Да, но неестественность основана на лжи, на неправде!

Шмит. Ну так что ж? А вы думаете, что так уж хорошо резать правду в глаза?!. Да, ведь, скажи я вам всю правду, вы же со мной рассоритесь.

Классная дама. Нет, отчего! пожалуйста.

Шмит. Полноте — разве вам неизвестно, что люди принуждены бывают скрывать свои года, происхождение, бедность, физические недостатки, физиологиче-

ские потребности, что, скрывая, люди принуждены лгать, держаться неестественно...

Классная дама. Очень жаль, если люди так плохо воспитаны.

Шмит. Да ведь все ваше воспитание сводится к приучению сдерживать свои естественные порывы, подражая идеалу, до которого трудно возвыситься. Все наше воспитанье не что иное, как обученье роли милого, доброго, вежливого человека, роли альтруиста, если хотите, храбреца, симпатичного или просто светского человека, — обученье до тех пор, пока роль не станет «второй натурой». Ведь дети, по природе своей, ничего общего не имеют с тем, что из них делают родители, гувернантки или классные дамы. Вы очевидно никогда не думали, что такое естественность во всей своей наготе.

Классная дама (упрямо). Я знаю только, что быть естественным долг каждого человека, который не хочет, чтоб его приняли за ломаку, кривляку или за крашеную куклу.

Шмит (встает с веселым видом). Ну хорошо... хотите на примере убедиться, что за прелесть естественность в своем чистом виде?.. Виктор Антонович!.. Семен Аркадьевич!.. покажемте Аглае Карповне, как люди держатся, когда они естественны. Хотите?

Комик. Великолепно (встает).
Актер на роли любовников. Чудесно (встает). } Вместе.

Комик (как бы приготовляясь). Требуется полная естественность или наполовину?

Шмит. Полная... (К этому моменту танцовщица-босоножка вошла с блюдом, на котором аппетитно красуются меренги со взбитыми сливками).

Комик (бросается к «служанке», хватает руками меренги, запихивает их себе в рот и прожорливо глотает, кончая тем, что отнимает все блюдо). Вот это кстати!.. Мое любимое пирожное... Десяток сожру и не подавлюсь (обжирается). Разве что изжога. А плевать на изжогу (отходит к столику, на котором пишущая машинка, и присаживается к нему).

Шмит (снимает пиджак и остается в брюках и рубашке.) Ну и натопили вы сегодня, Марья Яковлевна. Вот жарища... да еще эта водка (ложится в крайне непринужденной позе на тахте)... Разморило всего... Громко зевает, ковыряет в зубах пальцем и сплевывает).

Комик. И правда, что жара... все подмышки вспотели (расстегивает тужурку и сбрасывает правый сапог). А тут еще мозоль ноет проклятая... подлец сапожник... Ик... ик... (икает с отрыжкой вместе) лишь бы деньги... Ик... содрать... (пробует рукою наболевшее от мозоли место. В это время актер на роли любовников заходит сзади ремингтонистки, запрокидывает ей голову и несколько раз смачно целует ее в щеки, в губы).

Хозяйка (вскакивает). Батюшки!.. Да вы с ума сошли... Перестаньте!.. Вот тоже игру хорошую выдумали...

Актер на роли любовников. Радуйтесь, Аглая Карповна,—я снял всю краску с ее губ... Да здравствует теперь естественность?

Студент (классной даме). Что? — признаете себя побежденной?

Классная дама. Я говорила об естественности в трезвом виде, а не в пьяном.

Студент. Да, но классики нас учат, что in vino veritas!

Шмит (к классной даме). Ну что, довольно или продолжать!

Хозяйка. Довольно, довольно!

Ремингтонистка (оправившись от смущенья, кокетливо-веселым тоном). Хорошенького понемножку... (Шмит надевает тужурку, а комик сапог).

Классная дама. Хо-ро-шень-ко-го?.. Я называю это «после ужина горчицей».

Шмит (подавая на стол вазы с конфектами и фруктами). В таком случае не угодно ли подсластить впечатление? (Студент берет в это время у комика блюдо и передает его горничной.)

Ремингтонистка. Карл Иваныч! Я жду обещанного... (Распаковывает пакет с граммофонными пластинками. Горничная, заметив, что студент запачкал тужурку взбитыми сливками, уходит на кухню. Студент следом за нею уходит в комнату № 9.)

Хозяйка. Да, да, вы обещали новые пластинки на сегодня. Это поинтереснее, чем ваша «естественность».

Шмит (заводя граммофон). Позвольте раньше поставить старую... Шекспировскую... монолог Жака. (Находит нужную пластинку и читает надпись...) «Как вам это понравится»... По моему... (ставит пластинку на граммофонное плато) это находится в прямой связи с предметом нашего спора... (Комик подсаживается к

классной даме, которая укоризненно качает ему головой в то время, как он изливается в приторно-нежных извинениях).

Граммофон (декламирует в благородно-повышенном тоне).

«Весь мир — это театр.
В нем женщины, мужчины, все актеры.
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет в пьесе, где
Семь действий есть. Сначала он ребенок...

Классная дама (перебивая). Это мы уже слышали, надоело! Поставьте лучше что-нибудь новенькое, музыкальное, благородное.

Шмит (останавливая граммофон; с иронией). Ну, если Шекспир надоел, то...

Рейнгтонистка. Дайте я выберу (выбирает из новинок, принесенных Шмитом. Студент к этому времени принес шахматы и шахматную доску, которую он теперь раскрывает на столе перед чиновником).

Чиновник (комику). Доктор, вы составите партию? (Студент отходит к буфету и пьет воду).

Комик. Погодя, если позволите, а то голова что-то плохо работает (продолжает ухаживать за классной дамой).

Чиновник. А вы, Марья Яковлевна?

Хозяйка (смеясь). Да ведь я могу только в шашки.

Чиновник. Все равно, милости просим. (Играют).

Ремингтонистка (выбрав пластинку). Вот это. (Шмит ставит выбранную пластинку на граммофонное плато. Классная дама и комик пересаживаются на тахту). Только я люблю издали слушать. (Идет направо к своему рабочему столику и усаживается перед ним. За нею следует актер на роли любовников, захватив стул, на который садится возле нее. Граммофон исполняет дуэт Фауста и Маргариты, из оперы Бойто «Мефистофель»: «Далеко далеко, далеко блаженная есть сторона»... Танцовщица-босоножка приносит горячей воды и при помощи последней и платка долго отмывает студенту сладкое пятно на его тужурке, в то время как он прерывисто дышит от сознания ее близости. Шмит стоит у граммофона и с чувством удовлетворения наблюдает за четырьмя парочками, среди которых сказываются чары «блаженной страны», о которой упоительно-нежно поют Фауст и Маргарита).

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Там же вечером, в последний день масленицы. Обеденный стол поставлен направо к стене, уставленный бутылками вина, лимонада, холодными закусками, фруктами и украшенный вазами с цветами, среди которых трудно отличить настоящие от искусственных. Сверху от лампы протянуты к углам комнаты ярко-фантастичные гирлянды, состоящие из флажков, бумажных цветов, лент серпантина и фонариков, снабженных разноцветными электрическими лампочками. Над средней дверью повешен «плакат», изображающий Пьеро, атакуемого чертенятами; над тахтой «плакат» с изображением нежной сцены между Коломбиной и Арлекином; над дверью из передней—смеющаяся рожа принца Карнавала; над дверью № 3 красное сердце под черной маской; над дверью № 4 рожа типичного «доктора» из comedia d'el'Arte. В общем сцена, залитая не слишком ярким розоватым светом, производит несколько сбивчивое, призрачное впечатление. Около буфета, справа от него, столик, на котором стул, поддерживаемый студентом, а на стуле Танцовщица-босоножка, занятая прикреплением гирлянды, свешивающейся от лампы, к углу столовой. Она наполовину костюмирована: в короткой юбке Коломбины, черных со стрелками чулках и в лакированных туфлях на красных каблуках и с красными помпонами. Комик, в костюме «доктора» из балаганной арлекинады, с маской, болтающейся на тесемке за плечами, расставляет в условно «красивом» порядке бутылки и снедь на закусочном столе.

Актер на роли «любовников» и Ремингтонистка прицепливают плакаты над тахтой, стоя на ее мягком сидении с веселой заботой об эквилибре. Мать выходит из дверей № 3 и останавливается на пороге, торопливо пришивая кружева к черной полумаске. Шмит стоит посреди комнаты и, в веселом волнении, заканчивает распоряжение по убранству комнаты.

Шмит (танцовщице-босоножке). Еще немного подтяните!.. а то свешивается... Вот так... Довольно, довольно... Крепко держится... не упадите...

Хозяйка (взглядывая на убранство комнаты). Ну и затейник же вы, Карл Иваныч!.. этак изменить комнату... «мать родная, и та бы не узнала (смеется).

Шмит (комику). А бутылки все откупорены?..

Комик. До единой-с.

Хозяйка (Шмиту). Подумать только, сколько вам это стоило...

Шмит (ей). Масленица требует жертв, Марья Яковлевна. Принц Карнавал не прощает пренебрежения к своей священной персоне.. (к ремингтонистке). Чуть-чуть левее!.. Вот так... (ремингтонистка поправляет плакат, чтобы он висел прямо). Еще немного!.. Хорошо.

Комик (отходит от стола и смотрит на плакат, о котором идет речь). Здорово!.. Узнаю работу нашего декоратора... только здесь его мазня совсем по другому выглядит... Что-то вдохновенное, ей-Богу... Ик... Ну и блинов же я наелся сегодня... (Шмит строго смотрит на него) Извиняюсь... (заливается хитрым, пьяным смешком). Выпил немного, это верно... но не мог-с удержаться:—последний день масленицы!.. Вы понимаете, г-н Шмит, последний день масленицы...

(хлопает Шмита по плечу и говорит ему на ухо). Мне надо с вами поговорить.

Чиновник (появляется в средних дверях и любуется убранством). Ну и разукрасили... Молодцы ребята... Ай да Карл Иваныч!.. И Федя помогает?.. Значит вправду масленица к нам пожаловала... настоящая.

Студент. А вы видели, господа, какой я приготовил костюм Аглае Карповне...

Чиновник (смеясь). Покажи, покажи...

Студент. Сейчас... (помогает танцовщице-босоножке сойти на пол и уходит к себе.)

Шмит (танцовщице-босоножке, показывая на гирлянду, ведущую к правому углу комнаты на авансцене). И эту еще подтяните... Видите, как слабо... (Она переносит, с помощью Шмита, столик и стул направо, к рампе, в угол.)

Комик (тихо Шмиту, поддразнивая). Да-с, 20 лет на сцене, а еще ни разу в такой декорации не выступал... (подошедшему к нему чиновнику.) Неугодно ли по рюмочке... (Наливает. Актер на роли любовников и ремингтонистка сошли к этому времени с тахты и любуются результатом своей работы).

Чиновник. Да уж разве что на радостях...

Шмит (смотря на часы). Однако, господа, не пора ли костюмироваться... А то придут гости, и выйдет заминка. Доктор уж «готов»... (щелкает себя по шее, намекая на выпивку). За мной дело не станет. А вы, господа?.. (помогает танцовщице-босоножке забраться на столик).

Актер на роли любовников. Да уж пора... Хотя в сущности мне одна минута... успеем еще...

Студент (входит с шестом, на конце которого прикреплена маска черепа с сердито оскаленными зубами и длинный белый саван)... Хорош костюм для нашей мегеры?.. (Общее удивление, смешанное с чувством жути и смеха.)

Шмит. А она не обидится?..

Мать. Вечно у вас, Федя, смерть на уме...

Студент. Да помилуйте, Марья Яковлевна, разве Аглая Карповна не мертвящее начало жизни? «по Сеньке и шапка»... (ремингтонистке) она дома?..

Ремингтонистка. Нет, кажется...

Хозяйка. Ушла... скоро вернется.

Студент. Отнесу ей костюмчик, а там ее дело... (Уходит в комнату № 4).

Хозяйка (хочет остановить его). Федя, бросьте,—не стоит... (Ремингтонистка уходит в комнату № 3.

Чиновник (перебивая). Ничего, Марья Яковлевна... пусть побалуется: ведь это же шутка.

Ремингтонистка (входя из № 3 с мотком спутанных лент). Господа, время бежит, а о нашей комнате никто и не думает. Если вы хотите обратить ее в гостиную, то...

Хозяйка. Надо мебель переставить...

Ремингтонистка. И хоть чем-нибудь маскировать этот ужасный комод.

Хозяйка (суетясь). Сейчас, сейчас... (уходит в № 3).

Шмит. Мы вам поможем! Семен Аркадьевич, пойдемте... Эйн, цвей, дрей, и все преобразится. Верно я говорю?..

Комик (следуя за ним в № 3). Верно! пейте мою кровь... недолго уж теперь: последний денечек... (уходит).

Студент (танцовщице-босоножке). Что... запутались...

Танцовщица-босоножка (распутывая шнур гирлянды). Немного... Сейчас... не беспокойтесь.

Чиновник (задорно). А что, Федя, я думаю не надеть ли мне новые сапоги?..

Студент. Обязательно, папаша... Когда же и обновить их, как не сегодня.

Чиновник. Верно! (уходит к себе).

Рейнгтонистка (садясь на тахту, спиной к паре направо, обращается негромко к актеру). Помоги распутать! (показывает на моток лент).

Актер на роли любовников (присаживаясь). Давай... это для костюма?..

Рейнгтонистка. Для котильона.

Студент (танцовщице-босоножке). Итак, вы уезжаете?..

Танцовщица-босоножка. Я вам буду писать.

Студент. Спасибо... А мне нельзя к вам в деревню?.. Вы мне дадите адрес?

Танцовщица-босоножка. Засмеют у нас в деревне... скажут: связалась... Да и письма плохо к нам ходят... Уж лучше я вас проведаю как-нибудь.

Студент. Вы обещаете?..

Танцовщица-босоножка. Если все ладно будет, непременно... Только запаситесь терпением.

Рейнгтонистка (актеру на роли любовников). Ты завтра едешь?..

Актер на роли любовников. Завтра.

Рейнгтонистка. Я провожу тебя.

Актер на роли любовников. Нет, нет... это плохая примета... а я ведь еду к больной жене... Правда, это суеверие, но...

Рейнгтонистка. А отчего ты скрывал от меня, что женат?.. Я до сих пор не понимаю...

Актер на роли любовников. Я... я думал, — ты оттолкнешь меня, если узнаешь: женатый, что «отрезанный ломоть»...

Рейнгтонистка (прижимаясь к нему). Глупый, разве ты можешь быть виновен в глазах любви моей, что встретил раньше другую...

Актер на роли любовников (обнимая ее нежно). И все же я чувствую себя виноватым.

Студент. Вы говорите, запаситесь терпением...

Танцовщица-босоножка. Это самое главное.

Студент. Терпения у меня хватит... только будете ль вы помнить обо мне?..

Танцовщица-босоножка. Зачем вы спрашиваете?.. ведь вы же знаете...

Студент. Хочу вам верить, только...

Танцовщица-босоножка (перебивая). А вы будете меня вспоминать?

Студент. Я?!. всю жизнь!.. всю жизнь... Теперь мне есть, чем жить... Да, да... я буду жить воспоминанием о вас... (Танцовщица-босоножка слезает со своего импровизированного помоста).

Актер на роли любовников (продолжая обнимать рейнгтонистку). Что это шрам у тебя на груди?

Ремингтонистка (улыбаясь). Гм... то, о чем никто больше не спросит меня в жизни...

Актер на роли любовников. Что ж это?.. (Ремингтонистка вынимает из корсажа бумагу и показывает.) А... мое объяснение в любви...

Ремингтонистка. Твой четвертый урок на пишущей машинке... (целует бумагу и снова прячет на груди. В это время студент и танцовщица-босоножка уносят столик и стул, служившие возвышением, в переднюю).

Актер на роли любовников (увидев, что они одни, целует много раз ремингтонистку). Почему ж ты думаешь, что никто тебя больше не спросит?..

Ремингтонистка... О том, что шуршит у меня на груди?..

Актер на роли любовников. Да...

Ремингтонистка. Потому что никто больше не будет обнимать меня в жизни (со слезами на глазах), ведь я никому не нужна... а ты уезжаешь к жене... (тихо плачет).

Актер на роли любовников (целуя ее нежно-нежно). Ну, хочешь я не уеду?.. я останусь, хорошо?

Ремингтонистка. Нет, нет, я не такая, я не эгоистка... Тебя ждет жена... больная, может быть несчастная... И рано или поздно ты все равно меня покинешь... И без того я благодарна за то счастье, какое ты мне дал. Ты был светлым виденьем во сне... да, да, светлым виденьем, после которого просыпаешься утешенный на всю жизнь... (целуя его руки) на всю жизнь. Спасибо тебе, милый, любимый, единственный...

Хозяйка (появляясь на пороге двери № 3). Лидочка!.. ну что же ленты?.. распутала?..

Рейнгтонистка (встает). Сейчас, мамочка...

Хозяйка. Карл Иваныч ждет... Да и переодеться пора уже... (Уходит.)

Рейнгтонистка (смеясь сквозь слезы). Вот так распутали!.. смотри... (показывает на моток лент), еще больше запутали. (Он смеется в ответ. Уходя в № 3 и оглянувшись кругом). Господи... какая странная комната!.. и это освещение... Как призрачно кругом!.. Это наша комната?.. это правда, что ты меня любишь?.. правда, что ты уезжаешь?.. это во сне или на яву?.. Я начинаю путаться... Что это такое?.. Это было счастье?.. или только призрак счастья...

Голос хозяйки. Лидочка... ну что же ты?...

Рейнгтонистка (словно разбуженная, улыбаясь). Иду, мама, иду... (уходит в № 3, актер на роли любовников за нею. Справа из передней появляются студент и танцовщица-босоножка. Студент тащит ее за руку к закусочному столику).

Студент. Ну пожалуйста... я вас очень прошу...

Танцовщица-босоножка. Нехорошо... барыня увидит...

Студент. Ну что из того, что я чокнусь с вами!.. Вот глупости... (наливает две рюмки мадеры), я стою за равноправие... Ваше здоровье!.. А вы выпейте за мою доблесть (чокается с ней и пьет). Сегодня, в департаменте, откуда ни за-что, ни про-что уволили отца, да-с, в этом самом департаменте, с глазу на глаз с директором, сволочью первостатейной, я дал

ему пощечину. Но какую!.. если б вы только слышали!.. словно вальком по мокрому белью... (смеется). Правда, геройство не Бог весть какое, но все же достойное того, чтобы выпить по этому случаю... (Наливает еще себе.) За ваше здоровье...

Танцовщица-босоножка (смеясь). А я тут причем!

Студент. А при том, что вы окрылили меня... Да, да... не смейтесь... вы... Я не смогу объяснить вам, Анюта, но вы одна из причин моей «воли к жизни»... А жить это значит бороться, значит хотеть постоять за себя, за своих ближних, за справедливость...

Танцовщица-босоножка (смеясь). Чудно́ вы говорите, ей-Богу, — по-ученому... но я сердцем вас понимаю... (чокается и пьет), все понимаю... одного только не пойму, что́ вас тогда на самоубийство толкнуло... Лукавый попутал, или...

Студент. Нет, не лукавый, Анюта, а... (отворачивается со взором, готовым затуманиться слезою) Володя... брат мой... слышите, — Володя, что в дальнем плавании...

Танцовщица - босоножка. Так что же?.. (вдруг) Барин, миленький, не плачьте?.. что с вами! (гладит его по спине). Ну не надо... коли трудно, не рассказывайте...

Студент (овладев собою). Он умер...

Танцовщица-босоножка. Умер?..

Студент ...Вот уже больше полугода... Отец не знает... Отец не пережил бы ни за что... И вот я стал скрывать... притворяться... Играю... понимаете, играю как актер... хочется сказать одно, а говоришь

другое, хочешь погрустить о брате, а изволь улыбаться, выражать надежду...

Танцовщица-босоножка (сочувственно, растроганная). Господи Боже мой...

Студент. Тяжелая роль... не дай Бог никому... не всякий выдержит... Ведь все мы актеры у Господа Бога!.. Кто знает, Анюта, может на том свете нам в награду назначены лучшие роли, а пока... будем терпеть, Анюта, наше здешнее обличье, будем терпеть, помогая друг другу...

Танцовщица-босоножка (притягивает его к себе и горячо целует). Правда, правда, милый!.. хороший... (Появление из комнаты № 3 актера на р. л. прерывает поцелуй и заставляет студента быстро скрыться к себе в комнату).

Актер на роли любовников (с дружеской иронией). Через преображенье к преображенью?

Танцовщица-босоножка. Как не стыдно профанировать такие слова... Я могла бы ответить тебе тем же...

Актер на роли любовников. Если б ревновала...

Танцовщица-босоножка. А почем ты знаешь...

Актер на роли любовников. Ну... к такой, как Лидочка (оборачивается в сторону № 3), не возревнуешь...

Танцовщица-босоножка. А к такому, как Федя?.. (Усмехается).

Актер на роли любовников. Гм... ты так ведешь свою роль, что поневоле спутаешься, где игра и где действительность... Чорт возьми, я начинаю верить, что ты и в самом деле артистка милостью Божией... (Притягивает ее к себе).

Танцовщица-босоножка (смеясь). «Актриса милосердия»...

Актер на роли любовников. Только не ко мне...

Танцовщица-босоножка. Ревнуешь?..

Актер на роли любовников. А ты как думаешь?..

Танцовщица-босоножка (восторженно). Правда?.. значит любишь?.. любишь?..

Актер на роли любовников. Я всегда любил тебя, но теперь... (целует ее) теперь я научился ценить тебя и дорожить тобою...

Танцовщица-босоножка. Ты не играешь сейчас?..

Актер на роли любовников. А ты?..

Танцовщица-босоножка (смеясь и целуя его). Глупый, разве ты не чувствуешь!..

Комик (входя из комн. № 3). Ишь голубки!.. милуются, словно у себя дома... Рады, небойсь, что пьеса кончается? (Из передней раздается звонок. Танц.-бос. убегает в переднюю.) Н-да-с, тяжеленек был этот сезон... Но, слава Богу, сегодня последний день и финита ля комедия. Завтра начало великопостного сезона, снова на волю и да здравствует свободное искусство!.. Вы куда ангажированы?.. Я так думаю свой театр открыть, ей-Богу... хотите ко мне?.. (Из передней входит в ватерпруфе и шляпке классная дама).

Классная дама (оглядывая комнату). Что за балаган такой!.. (Танц.-бос. проходит из передней на кухню.)

Актер на роли любовников. А вы часто изволили балаганы посещать?

Классная дама (перебивая и лорнируя костюм комика). Доктор, в каком вы виде?

Комик. И вам костюмчик приготовлен...

Актер на роли любовников. Аллегорический...

Комик (как бы извиняясь). Сегодня все маскируются. Вот и меня заставили...

Классная дама. Но меня не заставят, будьте уверены. (В дверях комнаты № 3 появляются хозяйка и Шмит). Марья Яковлевна, вы кажется ждете гостей?..

Хозяйка (трусливо). Да, а что...

Классная дама. Предупредите их пожалуйста, что у меня мигрень, и попросите не слишком шуметь... (уходит в ком. № 4, хлопнув дверью).

Хозяйка (после паузы грустного недоумения). Вечно всем отравит удовольствие...

Шмит. Это напоследок, Марья Яковлевна... это со злости, что пять месяцев ее оплаченного пребывания здесь приходят к концу...

Актер на роли любовников. Да уж не завидую тем, к кому она переедет...

Хозяйка (комику). Я боюсь, она еще скандал устроит... Ради Бога, доктор, пойдите к ней, утихомирьте ее, дайте ей чего-нибудь успокоительного...

Комик (разведя руками). Уж не знаю, что и придумать. Ведрами ей валериановые капли прописываю. Бром! опий! ничто не действует... (Стучится в № 4).

Ремингтонистка (за сценой, из комнаты № 3.) Мама!..

Хозяйка. Иду, иду... (Уходит в № 3).

Классная дама (за сценой, из комнаты № 4). Войдите! (Комик уходит в № 4).

Шмит (актеру на роли любовников). Вы что-то нервничаете сегодня свыше меры...

Актер на роли любовников. Еще-бы!.. а вдруг эта гадалка надует... В каких дураках я тогда окажусь!..

Шмит. Дайте ка еще раз перечесть ее письмо...

Актер на роли любовников (доставая из кармана письмо и передавая его Шмиту). Ума не приложу, кто бы это мог быть... Уж не из нашего ль театра?.. кто-нибудь из товарищей...

Шмит (вынимая письмо из конверта). Вы всех пригласили сегодня или?..

Актер на роли любовников. Почти всю труппу; только одни придут пораньше, а другие после спектакля...

Шмит (читает письмо). «20-го февраля, где квартируешь, много масок. Среди них ряженый монахом! Это он. Пригласи жен его на этот маскарад... Уличи.. Будь счастлив». Гм... к которому часу пригласили его жен?..

Актер на роли любовников. К одиннадцати. Все трое будут в черном домино. Приедут в карете. Заберем голубчика и отвезем в «сыскное» без промедления... то-есть я сегодня же могу разбогатеть, получив гонорар, и прославиться, как никто из сыщиков.

Шмит. Не надуют?..

Актер на роли любовников. Кто... гадалка?..

Шмит. Нет—его жены? Я полагаю трудно было глухонемую уговорить?.. Вы в ней уверены?..

Актер на роли любовников. Да и третья не сразу согласилась. Даром, что кокотка, а боится скандала, жалеет его, говорит, что он женился только, чтобы спасти ее от позорного ремесла, что он единственный,

кто сумел поцеловать ее душу, а не тело, что она больше виновата перед ним, так как изменила клятве целомудрия и тем сама отшатнула его от себя; словом если и пожалует сюда, то не для того, чтобы предать его в руки правосудия, а чтобы спасти его. Вообще личность этого троеженца приобретает такой загадочный характер, что сам чорт себе ногу сломит.

Шмит (смотря на часы). Вы будете в костюме Пьеро?

Актер на роли любовников. Да.

Шмит. А жена?..

Актер на роли любовников. Коломбиной. А вы...

Шмит. Арлекином. Я же вам говорил...

Актер на роли любовников. Достали костюм?

Шмит. Достали-таки.

Комик (входя). Ублажил... Обещала даже маскироваться, говоря, что ничего не имеет против костюма смерти, так как еще у египтян в самый разгар пира приносили мумию... дескать жизнь не «тру-ля-ля» сплошное, а нечто посерьезнее... Глубокая мысль, я вам доложу. (Подходит к столу и выпивает).

Актер на роли любовников (взглянув на часы). Ну я иду переодеться... (уходит к себе).

Шмит (комику). Вы что-то плохо ухаживали за ней последнее время...(показывает в сторону двери № 4).

Комик (закусывает; развязным тоном). Ни больше и ни меньше, чем обязан был по контракту.

Шмит (подходя к нему). А это было по контракту просить у ней взаймы 5.000 р.?..

Комик. Вот видите, за какой дрянью вы меня принуждали ухаживать!.. даже такие интимности, и те

она не может удержать в секрете... (Дверь комн. № 4 приоткрывается, обнаруживая классную даму в позе подслушивания).

Шмит (стоя спиной к двери № 4). Она заподозрела, что вы симпатизируете из-за денег, и обратилась ко мне за советом...

Комик. Негодяйка!.. (Мимическая игра классной дамы во время всей следующей сцены).

Шмит. Я, разумеется, отсоветовал, так как привел вас сюда отнюдь не для эксплоатации здешних жильцов.

Комик (гневно). Так это вам я обязан, что остался с носом?..

Шмит. Я сказал «он и без денег должен вам симпатизировать»...

Комик. Должен...

Шмит. Ну да... во-первых, по контракту, а во-вторых, потому, что она вполне достойна симпатии столь уважаемых людей, как ваша милость.

Комик. Ну вот что, д-р Фроголи, довольно!.. шутки в сторону... мне нужны деньги, так как я давно уже задумал открыть собственное дело...

Шмит. Трактир?..

Комик. Нет-с, не трактир, а театр. Разумеется, не такой ерундовский, никчемный театр, какой вы здесь затеяли, а настоящий, натуральный театр, во главе которого я мог бы стать как руководитель..

Шмит (вздыхая). Несчастная публика...

Комик. И я вам говорю, что если вы мне этих пяти тысяч не вернете, я устрою сегодня же себе такой бенефис, что вам не поздоровится.

Шмит (хладнокровно). По контракту, коль не ошибаюсь, вам не полагается здесь бенефиса...

Комик. К чорту контракты, дающие вам право издеваться над людьми!

Шмит. Издеваться?..

Комик. Да-с, издеваться... Я сегодня же разоблачу вас и открою всем и каждому, что это был только театр... только «сцена жизни», как вы выражаетесь... что я не доктор, а комик местной драматической труппы, что страховой агент такой же страховой агент, как я китайский император, что вы не Шмит, а Фреголи, что...

Шмит (перебивает гневно). Вы не посмеете этого сделать!..

Комик (нагло). А кто мне запретит...

Шмит. Ваша совесть, надеюсь...

Комик. Совесть обязывает открывать правду...

Шмит. Но не во время же спектакля, если только вам известна театральная этика. К счастию ваши товарищи настолько хорошо сыграли свои роли, что ваше предательство вам не удастся... гипноз игры их верный щит против таких «правдолюбцев», как ваша милость...

Комик. Вы полагаете?..

Шмит. Уверен даже... Ну кто поверит такому жалкому пьянчужке как вы, который завирался здесь все время самым нелепым образом?..

Комик (в желчном экстазе). А вот поверят-с!.. поверят-с, не беспокойтесь... Держу пари!—хотите на 5.000 р.?..

Шмит. Проиграете!

Комик. Выиграю! (Подбегает к двери № 3). Принимаете пари? (Классная дама с искаженным лицом обманутой мегеры исчезает, шатаясь, за дверью № 4).

Шмит. Принимаю, только чтобы вас проучить...

Комик (стучит в дверь № 3). Прекрасно. Увидим, кто кого проучит...

Ремингтонистка (почти одетая «маркизой», появляется на пороге двери рядом с матерью). Что такое? я еще не готова...

Комик. Лидия Федоровна!.. Марья Яковлевна!.. родные мои... хорошие. Пришел к вам с повинной... Надували мы вас... как Бог свят надували... Обманывали, за-нос водили, представление устраивали...

Хозяйка (не понимая). Маскарад, вы хотите сказать?.. Ну так что же?..

Комик. Вот именно «маскарад»... Я ведь вовсе не доктор, а комик местной труппы... Карл Иваныч (оборачивается в сторону Шмита), не Карл Иваныч Шмит, а доктор Фреголи, который всех нас нанял сюда... Ей-Богу... Нанял... как актеров... И Светозаров актер, и его жена, что горничной здесь служит, все мы актеры. Никакого страхового агента здесь нет, а есть только Светозаров,—актер на роли любовников.

Ремингтонистка. Что вы такое городите?.. на каких «любовников» вы смеете мне намекать?..

Комик. Страховой агент... Виктор Антонович...

Ремингтонистка (гневно). Ну?!. что же дальше?..

Комик. Да вы не сердитесь... я ведь правду говорю...

Ремингтонистка. Какую правду?..

Комик. А то, что он любовник...

Рейнгтонистка. Мой любовник!.. Да?..

Комик. Вообще «любовник»...

Рейнгтонистка. Ах вы гнусная личность!.. Как вы смеете порочить меня и заодно Виктора Антоновича, который верен своей жене и которого вы мизинца не стоите!

Шмит (успокоительно). Не расстраивайтесь, Лидия Федоровна... вы же видите, что доктор «хватил» лишнего по случаю масленицы...

Хозяйка (похлопывая комика по плечу). Ступайте, родной мой, выспитесь!.. еще успеете...

Комик (растерянно). Да я вовсе не пьян!.. вы меня не так поняли...

Рейнгтонистка (горячо). Мы вас оч-чень хорошо поняли и давно раскусили, что вы за птица... (Уходит.)

Хозяйка. Лида, брось!.. Ступайте, доктор... нехорошо, ей-Богу нехорошо, не ожидала от вас, чтобы вы честным девушкам такие вещи говорили... (Уходит и закрывает за собою дверь.)

Шмит (комику). Ну, что?.. я не был прав?..

Комик (стиснув зубы). Идиотки!.. Но я еще не проиграл!.. — остается еще классная дама, студент, чиновник...

Шмит. Но вы, надеюсь, убедились, что иллюзии на сцене жизни прочнее, нежели на сцене театра?..

Комик. Ничего подобного... (Подходит к столу и наливает себе водки). Вы забываете, что я известный комик... Всем известный... 20 лет на сцене... Тысячи свидетелей подтвердят, что я актер, а не доктор...

Шмит. Вы действительно «комик», если не видите, в каком вы сейчас «комическом положении»... (Уходит со смехом к себе через коридор).

Комик (выпивает и чуть-чуть шатается). «В комическом положении»... Посмотрим, кто еще останется в комичес... оборачивается и видит страшную картину: из двери № 4 высунулся саван, увенчанный маской смерти. Призрачный свет, наполняющий комнату, убавляется в силе и загадочно мигает). Вино.... вино... виноват, Аглая Карповна, это вы-с?.. Уже в костюмчике?.. хе, хе... маскировались?.. (Боязливо подходит к призраку.)[1] А я только что хотел зайти к вам, сообщить сенсационную новость... Что это вы так раскачиваетесь, дорогая... или это мне кажется... Я сегодня, пардон, немножко выпил за ваше здоровье... в глазах рябит и голова как будто кружится... (Подходит к ней вплотную.) Так вот, Аглая Карповна... вы сейчас надели маску, а я, наоборот, срываю ее с себя... Да-с: я не доктор, а знаменитый комик местного театра... актер высшей школы, которого публика носит на руках. Что?.. удивлены?.. поражены?.. не ожидали?.. (Хочет взять за талию призрак, но, ничего не ощущая под саваном, кричит «благим матом». Свет на минуту гаснет. Призрак исчезает. Снова комната наполняется светом, который уже не мигает, являя

---

[1]) Призрак примитивно-технически изображается просунутым из двери шестом, на конце которого прикреплена маска смерти, а на перекладине, заменяющей плечи, повешен саван.

бо́льшую сравнительно реальность обстановки. Из средних дверей вбегает студент, маскированный лешим. При его появлении комик испускает вторичный крик ужаса).

Студент (снимая маску). Что вы кричите?.. что случилось?.. в чем дело?

Комик (вытирая пот со лба). Ах, это вы?.. Фу, чорт возьми... У меня все нервы развинтились в этом доме...

Студент. Что с вами?.. вам дурно?..

Комик (показывая на дверь № 4). Там... там... что-то неладное... Слышен звонок из передней).

Реми**нгтонистка** (появляется на пороге двери № 3 в черной полумаске в костюме маркизы, который к ней очень идет, держа в руках мешочек с конфетти и серпантины). Что тут произошло опять?.. Федя!.. какой вы смешной в этом виде!.. (хохочет). Настоящий леший (осыпает его конфетти)....

Хозяйка (появившаяся вслед за дочерью в праздничной наколке и лучшем из своих платьев). И вправду леший... Это вы кричали? (Слышен снова звонок из передней, настойчивый и со смешными перерывами. Танцовщица-босоножка, маскированная Коломбиной, пробегает из кухни в переднюю.)

Комик студенту, толкая его к двери № 4). Идемте туда... надо выяснить. Я боюсь один... (Студент стучит в дверь № 4). Нечего стучать... там некому и отвечать быть может... (Вталкивает студента в дверь и сам боязливо следует за ним. Хозяйка с дочерью хотят последовать за ними, но в это время появляется актер

на роли любовников, одетый в Пьеро и в узкой черной полумаске. Он отвлекает их внимание своим задорным веселым криком и мелькающими в воздухе длинными рукавами традиционного костюма).

Актер на роли любовников (заглянув в переднюю, откуда слышится веселый гул приглашенных гостей). Хо-хо!.. О ля-ля!.. Добро пожаловать... Звените бубенчики... Цветите цветы... Радуйся весне вечно-юное сердце... (Заводит граммофон. В средних дверях появляется старый чиновник в новых сапогах и раскланивается присутствующим с веселой улыбкой и комичным притопыванием ног, долженствующим обратить всех внимание на его новые сапоги. Реминг-тонистка-маркиза бросает серпантин в Пьеро, любовно обвивая его эфемерными узами. Граммофон исполняет бравурный полонез. Пьеро кричит.) Да здравствует Карнавал!.. Бей барабан!.. Звоните в колокола!.. Торжествуй солнце!.. Пляшите звезды!.. (Толпа ряженых, среди которых мелькают костюмы из «Quo vadis», фигурировавшие во 2-м действии, входит чинно-веселым полонезом из передней, осыпаемая конфетти из рук маркизы и приветствуемая хозяйкой; последнюю подхватывает за руку старый чиновник, чтобы вступить с нею парой в общий полонез. Их примеру следуют и Пьеро с Коломбиной, т.-е. актер на роли любовников и его жена, заключающие шествие с очарованием артистов, достойных этого названия. Смех, шутки, вскрики, остроты, конфетти и серпантины... Вдруг из комнаты № 4 выбегают комик и студент с лицами бледными и тревожными).

Комик (кричит). Господа!.. несчастье!.. (В руках его мелькает какая-то записка.)

Студент. Остановите музыку!..

Комик. В доме покойница...

Студент. Самоубийство!.. Общий переполох. Все останавливаются, как вкопанные. Коломбина останавливает граммофон).

Хозяйка. Аглая Карповна?..

Студент. Она.

Ремингтонистка. И тут не могла не отравить всем радости...

Комик. Отравление!..

Студент. Выпила всю склянку с опием...

Комик. Вот ее предсмертная записка!..

Актер на роли люб. «Прошу никого не винить в моей смерти?..»

Комик. Наоборот!.. (Студенту). Читайте!

Студент (взяв записку, читает). «Прошу всех винить в моей смерти».

Актер на роли любовников. Чорт возьми... (Спохватывается. Пауза общего изумления. Из передней раздается звонок. Коломбина бежит отворять.)

Хозяйка (бросаясь в № 4). Быть может есть еще надежда...(Уходит в комнату № 4), за нею все присутствующие с тревожным гулом, среди которого слышатся восклицания «вот ужас!», «она была молодая?» «где стол был яств, там гроб стоит», «вот так история» и т. п. Когда последние из ряженых готовы уже скрыться в дверях комнаты № 4, влетает пара новых ряженых с веселыми криками, хохотом и

целой тучей разноцветных конфетти. Им кричат «тише — в доме покойница». Они смолкают в смущении и следуют за всеми в комнату № 4. Только что Коломбина хотела последовать их примеру, как новый звонок из передней призывает ее к исполнению своих обязанностей. Сцена остается пуста. В коридоре показывается таинственный монах в наряде капуцина с капюшоном, надвинутым на лицо. Он прокрадывается в столовую и заглядывает в переднюю, откуда быстрыми шагами подходит к двери № 4 и запирает ее на ключ.

Монах (выйдя на середину комнаты). Анюта!..

Коломбина (на пороге двери, ведущей в переднюю). Кто меня звал?..

Монах. Это я. Подите сюда...

Коломбина (подбегая к нему). Кто вы?.. (Монах спиною к публике показывает ей лицо из-под капюшона.) Господи... ведь вы должны быть Арлекином?

Монах. Тсс... потом все объясню. Идите в переднюю и больше никого не пускайте. Мне необходимо две-три минуты быть наедине с этими дамами (показывает в сторону передней).

Коломбина. Но позвольте, а если...

Монах. Не рассуждайте!.. Пригласите их сюда и дежурьте у дверей!.. (Коломбина, пожимая плечами, возвращается в переднюю и с реверансом приглашает вновь прибывших войти в комнату. На сцене появляются три черных домино, — одно из них с собачкой на изящной привязи, по которой не трудно узнать ее хозяйку. Коломбина скрывается в передней.)

Монах. Войдите, милые женушки!.. Войдите... не бойтесь... Рад вас видеть, раз вы этого так упорно добивались... (Отбрасывает капюшон с лица. Черные домино вскрикивают от изумления.)

Дама с собачкой. А!.. это ты, подлый обманщик?.. Попался, наконец... попался таки... (Снимает маску. Ее примеру следует глухонемая.) Не ожидал, не-боись что и на таких, как ты, управа сыщется?.. Хорошо цела пташечка... это что и говорить... и я, дура, заслушалась... и поверила... и размякла... и всю душу принесла на алтарь любви... А он вот чем отплатил?!. вот чем разодолжил... Мол закон для нас не писан? Плевать на закон... Врешь, голубчик!.. закон восторжествует... И ответишь перед ним... вот как пить дать, ответишь!.. (В это время Параклет объясняется знаками глухонемых со своей второй женой).

Падшая (кричит даме с собачкой). Замолчите, греховодница!.. вам ли говорить о законе?!. и говорить тому, кто Любовь свою возвысил над законами, как высший Закон!.. (Срывает с себя маску.)

Дама с собачкой (до-нельзя пораженная). Да что вы рехнулись, голубушка?..

Падшая. Это вы с жиру беситесь, ставя жалкий, формальный закон выше того, кто спас вас некогда, как Золушку прекрасный принц... Вы были беззащитны и он дал вам силу!.. она была (показывает на глухонемую, продолжающую объясняться знаками с Параклетом) несчастна и он дал ей счастье!.. Я – жалкая падшая, и он поднял меня до себя!!! (Падает к ногам Параклета и целует их в самозабвении.) Господин,

господин, прости ее за брань и поношение... она не понимает, что творит, и не ведает, что затеяла... (Ее густые, длинные волосы выбились из-под капюшона и покрыли блестящей волной ноги Параклета.)

Монах. Все к лучшему, Мария... Встань, встань, я не Бог... (Поднимает ее.) Пусть свершится правосудие и да будет кара мне за ту жалость, что толкнула меня на спасение всех вас... Может быть, тюрьма и в самом деле подходящее для меня место... — ведь там так много нуждающихся в Параклете, т.-е. в советнике, помощнике, утешителе... Путь Параклета всегда на Голгофу... это в порядке вещей.

Падшая (хватая за руку глухонемую). Но мы не допустим до этого...

Дама с собачкой. Пусть возвратится в лоно «брачной жизни»... Какой ему еще Голгофы?!.

Падшая (задорно-вульгарно). Вот это «здорово» сказано...

Дама с собачкой (ей). Изменница!!!

Монах (к даме с собачкой). Пусть так... но «брачной жизни» с кем?.. с тобой? Она (показывает на падшую) запротестует. С нею? ты запротестуешь... С глухонемой? (показывает на глухонемую) пожалуй обе вы запротестуете. (Слышен звонок из передней и препирательство служанки Коломбины с вновь прибывшими.) Для гаремной жизни вы недостаточно мусульманки... А другого исхода я не знаю... Считайте, что я умер... что я потерян для вас... что я поступил в монастырь и что эта одежда на самом деле присвоена моему сану... Я дал вам все, что только мог... не тре-

буйте же большего, нужного другим, еще ни крошки от меня не получившим.

Дама с собачкой (нервно оглядываясь по сторонам). Где этот Светозаров?.. где мой сыщик и его жандармы? Я вижу, без властей нам с ним не справиться.

Монах. Светозаров мой агент, сударыня... и вызвал вас сюда не он, а я... Да, я — чтобы помочь победе в вас человеку над самкой. Думайте больше о небесных жандармах, чем о земных, там, где речь идет не о мужчине, а о человеке. К счастью я нашел среди вас адвоката (показывает на падшую), освободившего меня от недостойных меня самооправданий... (Настойчивые, непрекращающиеся звонки из передней и стук в дверь № 4, которая дрожит под напором пытающихся ее открыть). Время не терпит... Все слова сказаны... Ступайте и не проклинайте того, кто душу свою положил вам на радость!.. Мой последний подарок: — я заплачу Светозарову за его сыск...

Дама с собачкой. Ему не за что платить!.. Мы обмануты...

Падшая (передавая пачку денег монаху). Вот его гонорар... это наш долг, а не твой.

Дама с собачкой. С какой стати?..

Падшая. Надо быть честной, сударыня... надо быть благодарной... Прощай, Господин мой... Спасибо за счастье свиданья... (К другим женам). Идемте!.. не будем мешать ему... Нас много, а он ведь один!.. Уходит направо, увлекая глухонемую, которой Параклет шлет мимически слово прощанья).

Дама с собачкой (беря собачку на руки). Мими, до чего мы дожили, если продажная тварь и та осмеливается учить нас честности и благодарности!.. (Целует слезливо морду собачки, в то время, как Параклет подходит к двери № 4.) Сокровище мое, одно ты мне осталось в утешение. Ты не изменишь, как они!.. Ты не изменишь мне?.. Ну отвечай. Отвечай?.. Отвечай!.. (Уходит, страстно прижимая собачку к лицу в тот момент, как Параклет, в личине монаха, отворяет дверь № 4).

Студент (взволнованно-недоуменно). Кто это дверь запер?..

Монах. В чем дело?...

Студент (слегка изумленно). Ах это вы, Карл Иванович?.. Надо воды скорей!.. Приводим в чувство самоубийцу... (Берет графин с водой и стакан из буфета).

Монах. Самоубийцу?..

Студент. Успокойтесь... Оказалось—фальшивая тревога... (Убегает в № 4 в то время, как из передней входят несколько маскированных актеров с директором труппы и режиссером местного театра, одетых: первый римским сенатором, а второй—поэтом Луканом).

Монах (нахлобучив капюшон, обращается ханжеским тоном к сенатору)... Quo vadis, domine?

Директор - сенатор (заглядывая под капюшон монаха). А!.. это вы?.. (хохочет). Узнали?.. (сдвигает маску на лоб).

Монах (приподняв капюшон). Ну еще бы... (Смеется Некоторые из вновь пришедших, оглядев с любопытством столовую, проходят в комн. № 3; вскоре за ними следуют и остальные). Итак, «камо грядеши»?.

Директор. Гряду на последний акт комедии, поставленной вами на сцене жизни.

Монах. Милости просим...

Директор. Пьеса проходит с успехом?..

Монах. Отменным. А у вас как дела?..

Директор. Слабоваты...

Монах. Мало публики?..

Директор. Не густо...

Монах. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Раз публика не идет к вам, идите, как я, в публику... (Смеется).

Директор (отвечая смехом). Я и пришел, как видите... Не опоздал?

Монах. Вы попали к развязке.

Директор. Интересный финал?..

Монах. Трудно судить, ибо он столь затяжной, что нам с вами не дожить до его истечения. (Из комнаты № 4 выходят гурьбой гости и жильцы меблированных комнат. Монах опускает капюшон, но остается у рампы на виду у всех...).

Хозяйка (облегченно вздыхая). Ну слава Богу, обошлось!.. (К дочери). О каком это «театре» она выпытывала у доктора?..

Ремингтонистка. Да доктор спьяна выдумал не весть что на свою же голову... Меня не удалось провести, не таковская. А она вот поверила.

Пьеро - Светозаров. Вы кто такой?!. Отвечайте!.. Господа, остановитесь!.. Именем закона (Все останавливаются, окружая их и смолкая).

Монах (ему, измененным голосом). Успокойтесь... Я тот, кого вы ищете на протяжении четырех актов этой пьесы...

Пьеро. Как ваше имя?..

Монах. «Что в имени тебе моем», когда и так уж ясно, что сбываются слова гадалки...

Пьеро. Гадалки?.. Вам известно ее предсказание..

Монах. Так же, как и то, что в случае успеха, вам причитается награда за ваш сыск...

Пьеро. Чорт возьми!

Монах. И вот она, друг мой, проверьте (передает ему деньги).

Пьеро (берет деньги дрожащей рукой). Кто вы?.. я начинаю терять голову...

Монах. Кто я, вы должны сами догадаться; а вот кто вы, об этом и догадываться нечего.

Пьеро. Кто ж я, по вашему?

Монах. Вы одураченный Пьеро.

Пьеро. Одураченный?

Монах. Ну да. Ведь это ваше назначение, раз вы Пьеро, т.-е. простак, который часто попадает в просак, хватаясь не за свое дело.

Пьеро. Какое ж мое дело по вашему?

Монах. Любовь... этому учат сотни комедий del'arte, сотни арлекинад!..

Пьеро. Но если я Пьеро, то я могу быть одурачен только Арлекином, этому тоже учат сотни комедий del'arte, сотни арлекинад!

Монах. Он перед вами (Сбрасывает рясу монаха, которая, падая у его ног, обнаруживает Арлекина в блестящем, ослепительно ярком наряде).

Пьеро. Вы... это вы???

Арлекин (звеня бубенчиками рукавов). Да, милый, это я, это вы, это она (берет за руку подошедшую к ним Коломбину), а это он... (Указывает на доктора, вышедшего к этому моменту из комнаты № 4 в маске и с традиционной клизмой в руках). Мы все здесь... считайте: Арлекин, Пьеро, Коломбина и доктор из Болоньи, — любимые персонажи веселой арлекинады.. (Они берутся за руки, весело выстроившись в пестрый ряд у самой рампы). Мы воскресли, друзья мои!.. вновь воскресли, но уже не для театра только, а для самой жизни, опресневшей без нашего перца, соли и сахара. Мы вмешались в жизненный пирог, как приправа, без которой он ничего не стоит на вкус, и подрумянили его огнем нашей любви, как праздничную булку. Слава нам, — вечным маскам солнечного Юга. Слава настоящим артистам, спасающим своим искусством жалкие комедии несчастных диллетантов. (К публике, вскакивая на суфлерскую будку.) Слава вам, господа, если вы унесете в сердце своем воспоминание о самом главном, не только сказанном здесь, но и показанном!.. Пьеса сыграна, и если вы ничего не имеете против занавеса, то мы его опустим с подобающей помпой. Но если для вас самое главное не в том, что здесь представлено, а в развязке драматической интриги, какую в праве ожидать всякий от пьесы в театре, где заведуют репертуаром люди знаю-

щие, опытные, хорошо приноровившиеся к вкусам публики, то... «сделайте одолжение», господа, пожалуйста, — нам ничего не стоит окончить пьесу, как вам будет угодно. Хотите, Светозоров разведется с женой-танцовщицей и женится на Лидочке, а Федя студент на танцовщице?.. или, если угодно, отец Феди — чиновник может снова поступить на службу и даже жениться на матери Лидочки?.. а то, например — тоже хорошая развязка для пьесы, — Лидочка, узнав, что Светозоров не агент страхового общества, а актер местного театра, простит ему талантливое исполнение и перенесет всю свою любовь на драматическое искусство и в конце-концов станет актрисой?.. Доктора Фреголи еще не поздно притянуть к судебной ответственности, и может быть это необходимо даже сделать, потому что троеженство, как там ни верти, а ничего похвального в этом нет и быть не может... Хотите так окончим пьесу? Моментально!.. нам это ничего не стоит. А то можно закончить ее и трагически... Драма так драма, чорт побери! Хотите, классная дама, подслушавшая, как вы видели, разговор комика с доктором Фреголи, выдаст головой Параклета и сведет на «нет» весь его замысел вопреки мнению, что иллюзии на сцене жизни прочнее, чем на сцене театра?

Директор (подойдя к нему сзади и положив руку на его плечо). Послушайте старого, опытного антрепренера!.. самое главное — это во время окончить пьесу... Час уже поздний, публика торопится домой, многим надо завтра рано на службу... опять же трамваи ходят только до известного часа... Поиграли и

довольно!.. Разве вы не видите, как публика уже нервничает в заботе о верхнем платье, галошах и тому подобном?..

Режиссер (подойдя к Арлекину с другой стороны и наклонившись к его уху). Самое главное это эффектно закончить пьесу. Общие танцы!.. Взрыв веселого смеха!.. что-нибудь в этом роде! и если это художественная постановка, то не мешает подумать и о соответствующем освещении. Апофеоз всегда бывает кстати... Я нарочно для таких случаев ношу с собой бенгальский огонь... Вот держите (Вынимает из кармана трубку с бенгальским огнем, передает ее Арлекину и поджигает спичкой, крича в то же время окружающим). Господа, общие танцы!.. Музыка!.. Начинайте!.. Смейтесь!.. бросайте конфетти!.. Больше жизни!.. удальства... веселья... молодости!.. Занавес!!! (Арлекин со снисходительной улыбкой освещает бенгальским огнем нарочито искусственное веселье актеров, пляшущих под бравурный вальс бального оркестра).

ЗАНАВЕС.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ АРДИС"

Фазиль Искандер, САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА (1979)
Андрей Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ (1978)
Саша Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ (1976)
Саша Соколов, МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ (1979)
ГЛАГОЛ 1. Литературный альманах (1977)
ГЛАГОЛ 2. Литературный альманах (1978)
Э. Проффер (ред.), НЕИЗДАННЫЙ БУЛГАКОВ (1977)
В. Войнович, ИВАНЬКИАДА (1976)
Л. Копелев, ХРАНИТЬ ВЕЧНО (1975)
Л. Копелев, И СОТВОРИЛ СЕБЕ КУМИРА (1979)
Иосиф Бродский, ЧАСТЬ РЕЧИ (1977)
Иосиф Бродский, КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ (1977)
Алексей Цветков, СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ ЖИЗНИ СОЛО (1978)
А. Ахматова, ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ (1978)
Андрей Платонов, ШАРМАНКА (1975)
Андрей Платонов, КОТЛОВАН (1979)
Сергей Довлатов, НЕВИДИМАЯ КНИГА (1978)
Эдуард Лимонов, РУССКОЕ (1979)
Владимир Уфлянд, ТЕКСТЫ 1955-77 (1978)

Владимир Набоков, ДРУГИЕ БЕРЕГА (1978)
Владимир Набоков, ОТЧАЯНИЕ (1978)
Владимир Набоков, СОГЛЯДАТАЙ (1978)
Владимир Набоков, СТИХИ (1979)
Владимир Набоков, ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ (1979)
Владимир Набоков, КАМЕРА ОБСКУРА (1978)
Владимир Набоков, МАШЕНЬКА (1974)
Владимир Набоков, ПОДВИГ (1974)
Владимир Набоков, ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ (1979)
Владимир Набоков, КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ (1979)
Владимир Набоков, ЗАЩИТА ЛУЖИНА (1979)
Владимир Набоков, ЛОЛИТА (1976)
Владимир Набоков, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА (1976)